

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра классической филологии

А. В. Гарник

**ГРЕЧЕСКИЕ
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Учебные материалы по спецкурсу
для студентов специальности
1-21 05-05 «Классическая филология»

**Минск
2015**

УДК 811.124'373.45(075.8)
ББК 81.461-32я73
Г20

Рекомендовано
Советом филологического факультета
26 ноября 2015 г., протокол № 3

Р е ц е н з е н т
доктор филологических наук, профессор *А. А. Кожина*

Гарник, А. В.
Г20 Греческие лексические заимствования в латинском языке :
учеб. материалы / А. В. Гарник. — Минск : БГУ, 2015. — 56 с.

В издании рассматриваются вопросы лексического заимствования из греческого языка в латинский. Осуществляется фонетический, морфологический, семантический анализ грецизмов в латинском языке. Анализируется время и способ проникновения греческих слов в латинский язык.

УДК 811.124'373.45(075.8)
ББК 81.461-32я73

© БГУ, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Один из путей пополнения и развития словарного состава любого языка — это использование средств других языков, т. е. лексическое заимствование. Процесс заимствования происходит в виде рецепции лексем одного языка другим или в форме калькирования. Многие связанные с этим вопросы исследуются на материале разных языков, как современных, так и древних. В данной работе рассматриваются различные стороны процесса лексического заимствования из греческого языка в латинский. Учитывая микенский период, контакты греческого и латинского языков продолжались с разной интенсивностью на протяжении более полутора тысяч лет. За это время латинский язык обогатился многочисленными греческими заимствованиями, относящимися практически ко всем сферам материальной и духовной культуры римлян.

В данном пособии анализируются грецизмы, которые попали в латинский язык разными путями: устным способом при личных контактах носителей языка или через письменные источники. Этим обусловлена разная степень точности в передаче фонетического облика исходного греческого слова. Рассматриваются также закономерности отражения греческих гласных и согласных звуков соответствующими латинскими.

Важным вопросом является лексико-семантический анализ грецизмов, их взаимодействие с исконной латинской лексикой.

В пособии приводится список основных работ, посвященных как теоретическим проблемам заимствования, так и истории изучения греческих заимствований в латинском языке.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

арх. — архаическая форма

в. — век

вин. — винительный

г. — год; город

гом. — гомеровский

греч. — греческий

дат. — дательный

дор. — дорийский

др. — другой

ед. — единственный

и.-е. — индоевропейский

им. — именительный

лат. — латинский

мн. — множественное

н. э. — наша эра

нем. — немецкий

о-в — остров

п. — падеж

рус. — русский

скл. — склонение

ср. — сравни

т. е. — то есть

т. к. — так как

т. п. — тому подобное

ч. — число

pl. = *plurālis* — множественное число

1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ТЕОРИИ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Термин «заимствование», как отмечается в Лингвистическом энциклопедическом словаре, употребляется как в значении лексической единицы, перенесенной из одного языка в другой в результате языковых контактов, так и в значении самого процесса переноса этих лексических единиц [ЛЭС: 158]. Языковеды, занимающиеся изучением этих явлений, подчеркивают, что процесс заимствования осуществляется первоначально одним или несколькими носителями языка, а в дальнейшем происходит распространение заимствования в языке-реципиенте. Так, например, В. Пизани понимает под заимствованием «новое для определенного языка слово, которое сначала употребляется одним или большим числом индивидов, берущих его из другого языка, а затем уже через посредство индивидуальных актов входит в систему изоглосс, образующих язык» [Пизани: 56]. Ср. также мнение Э. Хаугена: «Каждое заимствование, по-видимому, делается сначала каким-то одним человеком, а затем принимается и повторяется многими другими, и, возможно, весь процесс повторяется снова и снова» [Хауген: 344–345].

Все исследователи отмечают, что заимствования прежде всего происходят на лексическом уровне языка и намного реже на фонетическом, морфологическом, синтаксическом, фразеологическом. Хотя подобные факты и не являются исключением.

Примерами фонетического заимствования может служить появление аспирации в латинском языке под влиянием греческих заимствований (например, лат. *bracchium*, *i n* < греч. ὀ βραχίων, ονος ‘предплечье, рука’, а также *sepulchrum*, *i n* ‘могила’, *sulphur*, *ŷris n* ‘сера’ и др.), звука [Ф] в славянских языках в результате заимствований из греческого. В русском языке появление этой фонемы было связано и с морфологическими процессами. Имена мужского и женского рода на -Ф были отнесены к разным типам основ, что способствовало возникновению оппозиции по мягкости/твердости: *Руфь* — *Саваоф*. Еще одним результатом влияния греческого языка на русский явилось появление в русском языке большого количества слов с начальным гласным а: *алфавит*, *ангел*, *архитектор* и др. (см. [Славятинская: 156–157]). А. Мартине считает, что фонема <ü> первоначально появилась в немецком под влиянием французского [ü] в речи образованных двуязычных носителей и широко распространилась впоследствии.

В заимствованных словах выделяются словообразовательные морфемы (префиксы и суффиксы), которые в дальнейшем служат для образо-

вания новых слов в этом языке. Например, суффикс **-iss-a** поздней народной латыни заимствован из греч. **-ισσ-α**, употреблявшегося для образования названий существ женского пола: ср. греч. ἡ διακόνισσα ‘служанка’ и ὁ διάκονος ‘слуга’, лат. *diacōnus, i m* ‘служитель’ и *diaconissa, ae f* ‘служительница’. Д. С. Лотте приводит пример с латинским префиксом *de-*, с помощью которого «в русской технической терминологии были самостоятельно образованы слова *деформатор, дешифратор, декадатор*» [Лотте: 11]. А. Россетти отмечает, что в румынском языке стали продуктивными многие славянские суффиксы, выделенные в составе славянских заимствований [Россетти: 113]. Особенно характерно это явление для интернациональной лексики, в частности, терминологии. Тут ведущую роль играют аффиксы латинского и греческого происхождения: *-ация, -лог, -логия, анти-* и др.

Отмечаются также случаи синтаксического заимствования. В русском языке под влиянием греческого появляются конструкции с постпозитивным предлогом: *Христа ради, Бога ради*. Б. Гавранек приводит пример влияния латинского языка на синтаксическую структуру многих европейских языков. Это касается сложноподчиненных предложений, порядка слов в предложении, употребления причастных оборотов [Гавранек: 101].

Особой разновидностью заимствования является калька или, по терминологии некоторых ученых, семантическое заимствование. Большое число калек с греческого языка вошло в русский в процессе перевода христианской литературы: *над-пись* (от греч. τὸ ἐπί-γραμμα, *атос*), *бес-смертный* (от греч. ἄ-θάνατος 2), *бого-словие* (от греч. ἡ θεο-λογία). Примером семантического заимствования (или семантической калки) может служить существительное *pes, pedis m* ‘стопа, нога’, которое приобрело значение ‘стихотворная стопа’ под влиянием греч. ὁ ποῦς, *подός*, имеющего аналогичные значения.

Два языка, в которых происходят взаимные или односторонние заимствования, могут находиться в разных отношениях друг с другом. Но лингвисты отмечают, что заимствования происходят легче в тех языках, которые больше похожи друг на друга, т. е. в родственных.

2. ВИДЫ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Немецкие ученые различают в заимствованиях *Fremdwort* — *иностранное слово* и *Lehnwort* — *заимствованное слово*. Эти понятия отражают разную степень включения заимствования в язык-реципиент. «Иностранное слово» (или варваризм) еще ощущается как чужое слово,

а «заимствованное слово» уже полностью включено в систему принимающего языка и оформлено по законам этого языка. Ср.: *интервью*, *ралли*, *кенгуру* и *кровать* (от греч. ὀ κράββατος), *редька* (от лат. radix, īcis f), *свекла* (от греч. τὸ σεῦκλον).

Побуждения, которые приводят к появлению заимствований, бывают различными: необходимость найти термин, обозначающий новый для данного коллектива предмет или явление, или ценность для говорящего слова из другого языка в силу его более высокого культурного авторитета. По мнению Л. В. Щербы, это происходит по следующим причинам: «то слово кажется нам особенно выразительным, то красивым, то лишенным неприятных ассоциаций (например, для неприличных вещей)» [Щерба: 50].

Существуют критерии, по которым можно определить, является ли слово в языке исконным или же оно было заимствовано на каком-то этапе развития языка. Например, если в латинском языке мы обнаруживаем слова с фонемой <f> в середине слова, то можем утверждать, что это заимствование, т. к. в латинском языке спиранты в середине слова перешли в немые **b**, **d** или **p**, **t**. Следовательно, слова *rufus*, *a, um* ‘рыжий’, *scrofa*, *ae f* ‘свинья’ попали в латинский из других италийских диалектов. Это так называемый формальный признак, указывающий, что данное слово является заимствованным. Другой критерий — историко-филологический, который предполагает изучение истории слова по памятникам письменности или изучение истории предмета, обозначаемого этим словом. Так, явными заимствованиями из греческого языка в латинском являются следующие слова: *amp(h)ōra*, *ae f* < ὀ ἀμφορεῦς, ἕως ‘амфора’; *ancōra*, *ae f* < ἡ ἄγκυρα ‘якорь’; *cratēra*, *ae f* < ὀ κρατήρ, ἦρος ‘кратер’; *machīna*, *ae f* < δор. ἡ μαχανά ‘орудие’; *platēa*, *ae f* < ἡ πλατεῖα ‘улица’. Есть в латинском языке заимствования и из других языков, подтвержденные античными источниками, например, из этрусского: *balteus*, *i m* ‘кайма, пояс’, *man-tis(s)a*, *ae f* ‘доход, добавление’; из иберийских: *cunicūlus*, *i m* ‘кромка’.

На то, что слово *amp(h)ōra* заимствовано из греческого языка, кроме историко-филологического, указывает еще и формальный признак: сочетание **ph** (= греч. φ), которое не встречается в исконно латинских словах. Кроме того, в греческом языке ὀ ἀμφορεῦς является вполне мотивированным с точки зрения своей структуры словом (ἀμφι + φέρω), чего нельзя сказать про латинский язык.

В некоторых случаях можно было бы предположить, что похожие слова произошли от какого-то общего источника, что также мотивируется родством языков. Например, некоторые ученые возводили лат. *lacrī-ta* (*lacrūta*), *ae f* (< *dacrūta*) и греч. τὸ δάκρυμα, ατος ‘слеза’ к одному индоевропейскому источнику **dasu*, что подтверждалось данными древне-

германских языков. Однако, по мнению В. Пизани, для латинского языка совершенно невозможная вещь — расширение основы на **-u** суффиксом **-ma-**, в то время как в греческом языке это существительное мотивировано глаголом $\delta\alpha\kappa\rho\acute{\upsilon}\omega$ ‘плакать’. Еще один пример. Слова $\eta\ \kappa\acute{\alpha}\nu\nu\alpha\beta\iota\varsigma$, $\epsilon\omega\varsigma$ и $\sigma\alpha\pi\acute{\alpha}\beta\iota\varsigma$, $i\ s\ f$ ‘конопля’ имеют соответствия и в других индоевропейских языках (например, германских). Это позволяет предполагать их общее происхождение от индоевропейского праязыка. Но исторические данные свидетельствуют, что конопля стала известна грекам только в конце V в. до н. э., попав к ним с востока через посредство скифов. Геродот упоминает о ней как о вещи малоизвестной (IV, 74). Так что очевидно, что и предмет, и его обозначение пришли из Греции в Рим после V в. до н. э.

Некоторые греческие слова пришли в латинский язык в измененной форме, мотивированной только влиянием некоего языка-посредника, часто этрусского. Например, в словах $amurca$, $ae\ f < \eta\ \acute{\alpha}\mu\acute{o}\rho\upsilon\eta$ ‘осадок’, $spelunca$, $ae\ f < \eta\ \sigma\pi\eta\lambda\upsilon\gamma\acute{\xi}$, $\upsilon\gamma\gamma\acute{o}\varsigma$ ‘пещера’, $sporta$, $ae\ f < \eta\ \sigma\pi\upsilon\rho\iota\varsigma$, $\acute{i}\delta\omicron\varsigma$ ‘корзина’, $triump(h)us$, $i\ m < \acute{o}\ \theta\rho\acute{\iota}\alpha\mu\beta\omicron\varsigma$ ‘процессия в честь Вакха’ наблюдается характерное для этрусского языка явление замены звонкого согласного глухим.

Иногда исконные и заимствованные слова, имеющие общую этимологию, дифференцируются по значению. В латинском языке подобными примерами могут служить пары: $balbus$, a, um ‘косноязычный’ — $barbarus$, a, um ‘чужеземный’ < $\beta\acute{\alpha}\rho\beta\alpha\rho\varsigma$ 2; $silva$, $ae\ f$ ‘лес’ — $hyle$, $es\ f$ ‘материя’ < $\eta\ \upsilon\lambda\eta$.

Различаются заимствования, в которых заимствуется и форма, и содержание, и такие, в которых заимствуется только содержание. Последние именуются в науке кальками. В латинском языке они часто встречаются у писателей, которые подражают греческим образцам. Старые римские поэты ввели в латинский язык много новых сложных слов, образованных по типу соответствующих греческих. У Энния встречаются слова: $alti-v\acute{o}lans$, $antis < \text{гом. } \upsilon\psi\iota\text{-}\acute{\lambda}\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$, ou ‘высоко летающий’; $suavi-l\acute{o}quens$, $entis < \eta\delta\upsilon\text{-}\epsilon\pi\eta\varsigma$ 2 ‘сладкоречивый’; $alti-t\acute{o}nans$, $antis < \upsilon\psi\iota\text{-}\beta\rho\epsilon\mu\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$, ou ‘высоко гремящий’.

Некоторые из таких сложных калек вошли в латинский язык и стали обычными словами, например, $magnan\acute{i}mus$, $a, um < \mu\alpha\kappa\rho\acute{\beta}\theta\upsilon\mu\omicron\varsigma$ 2 ‘великодушный’.

Разновидностью кальки является расширение значения какого-либо слова по аналогии к идентичному слову в другом языке. Например, лат. $mundus$, $i\ m$ стало употребляться в значении ‘ $mundus\ muli\acute{e}bris$ ’ по аналогии с соответствующим греческим словом $\acute{o}\ \kappa\acute{o}\sigma\mu\omicron\varsigma$, употреблявшимся в сочетании $\acute{o}\ \gamma\upsilon\nu\alpha\kappa\epsilon\acute{\iota}\omicron\varsigma\ \kappa\acute{o}\sigma\mu\omicron\varsigma$ в значении ‘женский наряд’.

Еще один вид кальки — построение слова в языке из средств этого языка, но по модели иноязычного образца, например: $conscientia$, $ae\ f < \eta\ \sigma\upsilon\nu\text{-}\epsilon\acute{\iota}\delta\eta\sigma\iota\varsigma$, $\epsilon\omega\varsigma$ (= со-знание), $compassio$, $\acute{o}nis\ f < \eta\ \sigma\upsilon\mu\text{-}\acute{\lambda}\acute{\alpha}\theta\epsilon\iota\alpha$ (= сочувствие).

3. ПРИЧИНЫ И СПОСОБЫ ЗАИМСТВОВАНИЙ

При заимствовании следует различать следующие факторы:

1) происходит ли заимствование устным путем, в результате общения, или же письменным, через литературу. В первом случае слова легче осваиваются языком и приспосабливаются к нормам заимствующего языка. Но при этом они часто подвергаются искажениям, народной этимологии, например, рус. *верстак* ‘рабочий стол’ < нем. Werkstatt ‘мастерская’. В латинском языке примерами устного заимствования из греческого могут служить слова: *caduceus*, *i m* < дор. τὸ κάρυκειον ‘жезл герольда’; *augi-chalcum*, *i n* < ὀρεΐχαλκος ‘желтая медь, бронза’. Во втором случае слова передаются более точно, но зато они долго не осваиваются языком и сохраняют чуждые черты или в фонетике, или в морфологии, например: *коммунике*, *жюри*;

2) происходит ли заимствование непосредственно или через язык-посредник. Например, слово τὸ θυμίαμα, ατος ‘фимиам, благовоние’ в русском языке имеет варианты *фимиам* и *тимьян*, ὁ ῥυθμός ‘ритм’ — *рифма* и *ритм* в зависимости от непосредственного источника происхождения: первые варианты восходят непосредственно к греческому языку, а вторые имеют посредником латинский язык. Слова *чертог* и *чердак* восходят к одному и тому же персидскому слову *čārtāk* (< *čār* ‘четыре’ + *tāk* ‘высокая часть дома’). Персидское слово *saḡāj* ‘дворец’ через посредство татар вошло в русский язык в форме *сарай*, а под влиянием турок, болгар, французов — в виде *сераль*;

3) заимствование внутри одного языка, когда в литературный язык входят какие-то слова из диалекта, профессионального жаргона или когда стилистически окрашенная лексика переходит в нейтральный литературный язык;

4) калькирование. Таким способом в основном была образована латинская грамматическая терминология по образцам греческих терминов.

3.1. Причины и предпосылки лексического заимствования

1. Внешние причины.

Основные внешние причины — наличие тесных политических, экономических, культурных контактов между народами-носителями языков. При этом степень интенсивности этих контактов не является определяющим и единственным фактором заимствования. Даже при отсутствии непосредственных контактов страна-лидер может влиять на заим-

ствование другими языками слов из ее языка: ср. американизмы *бестселлер*, *комикс* и т. д.

Основная масса заимствованной лексики — это слова, обозначающие заимствованное понятие или вещь. Но бывает и так, что заимствование имеет в языке-реципиенте лексические соответствия такого же значения. В этом случае происходит дифференциация значений или вытеснение одного из слов. Ср.: *обслуживание* — *сервис*, *ограничивать* — *лимитировать*, *виктория* (в русском языке XVIII в.) — *победа*.

2. Внутренние (языковые) причины.

Предпосылками к заимствованию являются:

- тенденция к устранению полисемии исконного слова, упрощению его смысловой структуры, уточнению значения, разграничению смысловых оттенков, например: *джем* — *варенье*, *тотальный* — *всеобщий*, *хобби* — *увлечение*;

- действие в заимствующем языке тенденции к образованию слов, аналогичных в структурном плане к заимствуемой лексеме. Например, усвоение слов *кино*, *такси*, *авто*, *метро* совпало с действием закона сокращения и усечения слов и словосочетаний, типа *райпо*, *комсомол*;

- наличие в языке ряда слов с однотипным значением или структурой, что облегчает заимствование единиц такого же типа. Например, более ранние заимствования *джентельмен*, *полисмен* вызвали появление целого ряда слов такого же типа: *спортсмен*, *конгрессмен*, *супермен* и т. п.;

- стремление обозначить одним словом понятие, которое раньше обозначалось словосочетанием: *снайпер* — *меткий стрелок*, *спринт* — *бег на короткие дистанции*. Но эта тенденция может ограничиваться наличием в языке микросистемы, в которой присутствуют определенные структурные признаки: слово *оранжад* не прижилось, потому что есть микросистема обозначений соков, которая уже сложилась: *апельсиновый сок* (*лимонный*, *яблочный* и т. п.). Тенденция к замене описательного оборота однословным эквивалентом отражает существующую в языке тенденцию к экономии языковых средств, как считают Е. Д. Поливанов, А. Мартине и др. ученые.

Одним из условий заимствования является двуязычие. Речь идет не только о языковых контактах больших групп носителей языка, но и об отдельных представителях. Сначала это может быть небольшая группа (например, знатоки греческого и латинского языков на Руси); затем через письменные источники происходит распространение заимствований в широкие массы.

В настоящее время заимствование происходит через СМИ без непосредственных контактов.

3.2. Признаки ассимилированности чужого слова в языке

Л. П. Крысин выделяет следующие признаки ассимилированности иноязычного слова в языке-реципиенте:

- 1) передача чужого слова фонетическими и графическими средствами заимствующего языка;
- 2) соотнесение слова с грамматическими классами и категориями заимствующего языка;
- 3) фонетическое освоение;
- 4) грамматическое освоение;
- 5) словообразовательная активность;
- 6) семантическое освоение слова: соотношение его значения с синонимичными словами;
- 7) регулярная употребляемость в речи: для общей лексики — в различных жанрах литературы, для терминов — в определенной терминологической области.

К факультативным признакам относятся:

- фонетическое освоение: *досье, болеро* — произношение [о] в предударном слоге; *детектив, модель* — произношение твердого согласного перед е ([тэ], [дэ]);
- грамматическое освоение: *кофе, пальто, жюри*;
- словообразовательная активность (многие несклоняемые существительные не образуют производных слов).

Как отмечает Л. П. Крысин, «семантическая самостоятельность, отсутствие дублетных синонимических отношений с исконными словами языка... — важнейший признак заимствованного слова». Он предопределяет функциональную активность слова, регулярность его употребления в речи.

4. ТИПЫ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Термин «языковые контакты» ввел в научное обращение А. Мартине; затем он был использован У. Вайнрайхом в его книге «Языковые контакты» («Languages in Contact». New York, 1953).

Для того, чтобы языки начали взаимодействовать, они должны сблизиться настолько, чтобы между ними установились интерлингвистические связи, т. е. языковые контакты. Они могут быть прямыми (непосредственными), когда носители языка вступают в личный контакт друг с другом. Но могут быть и опосредованными, когда два языка контактируют через посредство третьего. Считается, что опосредованные языковые контакты касаются только лексической системы языка, в то время как прямые контакты намного шире и глубже влияют на язык.

Языковые контакты делятся на:

1) казуальные, т. е. временные, случайные; это происходит при нерегулярных контактах языков друг с другом. Последствия в таком случае ограничиваются заимствованием небольшой группы лексем;

2) перманентные, т. е. постоянные тесные контакты, которые устанавливаются в результате интенсивных контактов языков друг с другом.

В свою очередь перманентные контакты делятся на два типа:

1) внешние, т. е. такие, которые устанавливаются между народами разных государств, расположенных на близких территориях, которые имеют тесные экономические, политические, культурные связи. При этом из языка в язык переносится большое количество лексики самого разного характера, калькируется лексика и фразеология, заимствуются даже некоторые фонемы (например, **ch** [x] из греческого языка в латинский);

2) внутренние, которые возникают между языками народов, образующих одно государство; в Риме это были латинский и итальянские языки, а также языки покоренных народов.

Следует учитывать большие различия, которые возникают между разными формами языковых контактов: 1) когда контакты возникают при непосредственном общении носителей разных языков; 2) когда чужой язык изучается в школе. В первом случае допускаются языковые ошибки, которые не мешают взаимопониманию, а во втором — язык должен усваиваться в правильном виде, без ошибок.

В зависимости от того, насколько близкими являются контактирующие языки, выделяются следующие виды контактов:

1) контакты неродственных языков разной структуры;

2) контакты родственных, но далеких друг от друга языков, которые различаются своей грамматической структурой, словарным составом и т. д.;

3) контакты родственных и близких друг другу языков.

Некоторые ученые считают, что результат языковых контактов совершенно не зависит от степени близости контактирующих языков (Г. Пауль, А. Мартине, У. Вайнрайх).

4.1. Внелингвистические факторы в ситуации языковых контактов

Наибольшее значение для языковых контактов имеют следующие внешние факторы:

1) социально-политическое положение одного языкового коллектива в отношении другого;

2) экономическое положение носителей одного языка в отношении другого;

- 3) национальная, расовая, религиозная дискриминация одного из членов языковых контактов;
- 4) количественное соотношение носителей контактирующих языков;
- 5) степень территориальной концентрации каждого из контактирующих языков;
- 6) длительность контактов;
- 7) интенсивность и сила языковых контактов;
- 8) преимущество одного из контактирующих коллективов в области социально-политической, культурной, научной и т. п. В этом случае стремление к усвоению другого языка проявляет тот языковой коллектив, который в указанных областях уступает.

Языковые контакты греков и римлян были постоянными и включали две разновидности: 1) внешние, т. е. контактировали жители соседних территорий; 2) внутренние — большое количество греков жило в Риме и Италии после завоевания Римом Греции. Контакты эти были и прямые, непосредственные, и опосредованные, через другие племена, в частности, через этрусков и мессапов. Например, слово *balaena*, ае *f* ‘кит’ (< ἡ φάλαινα) пришло в латинский язык через мессапский, *triumphus*, и *m* ‘триумф’ (< ὁ θρίαμβος) — через этрусский.

Внешние греко-римские контакты установились в давние времена через посредство торговли, литературы, войн между греками и римлянами. Внутренние контакты стали постоянными, когда после поражения греков в войне многие из них оказались в Риме в качестве рабов. Греки были в Риме прежде всего учителями и врачами. Поэтому их контакты с римлянами были постоянными и интенсивными.

5. ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РИМЛЯН С ГРЕКАМИ И ПУТИ ИХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Контакты между греками и римлянами установились с древнейших времен. Сначала они происходили через морскую торговлю, а потом через греческие колонии на юге Италии. Археологические раскопки показывают, что контакты начались еще в позднемикенский период, о чем свидетельствует керамика того времени, найденная возле Сиракуз.

Самые древние греческие колонисты в Италии — это представители ахейских племен с Пелопоннеса. Ими были основаны города Метапонт, Кротон, Посейдония, Сибарис. Следы ахейского диалекта в латинском языке являются следующие заимствования: *Achīvi*, *ōrum m* < οἱ Ἀχαι(φ)οὶ ‘ахейцы’; *Argīvi*, *ōrum m* < οἱ Ἀργεῖ(φ)οὶ ‘аргивяне’, *olīva*, ае *f* < ἡ ἐλαί(φ)α

‘олива’. Латинские заимствования отразили греческую дигамму (ϕ), которая в то время еще сохранялась в греческом языке, но уже исчезла к началу письменной эпохи (VIII в. до н. э.).

Колонию Тарент основали в конце VIII в. до н. э. спартанцы. Здесь сохранялся политический строй по образцу Спарты и дорийский диалект. Также в VIII в. до н. э. была основана колония г. Коринфа Сиракузы, которая сохраняла диалект метрополии, т. е. дорийский. Он оказал большое влияние на лексику латинского языка; из него в латинский язык вошли слова: *māchīna*, ае *f < ἦ μάχῆνά* ‘орудие’, *cādūseum*, *i n < τὸ κάρυκειον* ‘жезл глашатая’; *Lātōna*, ае *f < ἦ Λατώ, οὔς* ‘Летó’. Все эти слова имеют признак дорийского диалекта: *ā* на месте ионийской *η*.

В южной Италии была и ионийская колония Кумы, основанная выходцами из г. Халкида, что на о-ве Эвбея. Заимствования из этого региона характеризуются наличием ионийской *η* на месте общегреческой *ā*: *scēptrum*, *i n < τὸ σκήπτρον* ‘жезл’; *cēra*, ае *f < ὀ κηρός* ‘воск’; *cētus*, *i m < τὸ κῆτος, εὐς* ‘кит’.

Греческие колонии в Италии имели преимущественно аграрный характер. От их жителей италийцы научились выращивать оливы, виноград. В силу своей более высокой культуры греческие колонии служили для жителей Италии образцом и в области техники, архитектуры, искусства, науки и т. п. В частности, из г. Кумы, по одной из версий, римляне заимствовали алфавит. Контакты римлян с греками осуществлялись через Апулию, которую населяли племена япигов (мессапов), родственные иллирийским, населявшим север Балкан. Они были двуязычными, т. е. владели и латинским, и греческим языками; через них греческие слова распространялись среди римлян. Под воздействием греческого языка происходили и фонетические изменения, например, выпадение *s* после краткого гласного перед следующим согласным под влиянием греческих диалектов южной Италии.

Сначала греческое влияние распространилось в высших кругах римского общества. Со второй половины III в. до н. э. греческий язык был уже достаточно широко распространен в Риме. Одно из свидетельств этого — деятельность кружка Сципионов.

Так как в результате войн в Риме появляется много греческих рабов, греческий язык распространяется и в народной среде. В комедиях Плавта много греческих слов и оборотов, что было бы невозможно, если бы зрители не понимали происходящее на сцене.

Под воздействием греческих образцов в Риме возникает литература, которая поначалу представляет собой просто переводы и переработки греческих оригиналов. Например, грек по происхождению Ливий Андроник перевел сатурновым стихом на латинский язык «Одиссею».

Гней Невий писал свои комедии на сюжеты новоаттической комедии, а его трагедии являются переработкой греческих.

Фабий Пиктор написал свою «Историю пунической войны» на греческом языке.

Квинт Энний происходил из Калабрии, где была распространена смешанная греко-римская культура, поэтому он владел и греческим, и латинским языками. Он писал комедии и трагедии по греческим образцам. Сохранились фрагменты его эпической поэмы «Анналы», посвященной истории Рима с древнейших времен, образцом для которой послужила «Илиада».

Но наряду с этим было и противодействие влиянию греческой культуры. Примером его является деятельность Марка Порция Катона. В принятом в 189 г. до н. э. «*Senatūs consultum de Bacchanalibus*» идет речь о запрете празднования греческого праздника. Были также случаи изгнания из Рима греческих учителей, философов. О таком факте упоминает Светоний в «*De rhetoribus*», сообщая, что в 161 г. до н. э. была предпринята решительная попытка изгнать из Рима поселившихся там греческих риториков и философов.

6. КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОСВЯЩЕННОЙ ЭТИМОЛОГИИ И ЗАИМСТВОВАНИЯМ

Интерес к происхождению слов и их значений возник еще в глубокой древности. Попытки объяснить слова, исходя из их значения, можно увидеть уже в древнем индоевропейском эпосе. Например, в «Ригведе» (V, 2, 12) говорится, что бессмертные дали Агни это имя, потому что он «отнимает богатство у врагов», сводя таким образом корень имени Агни *A₂-* к глаголу *aj-* со значением ‘отнимать’.

Имя Одиссей объясняется в «Одиссее» тем, что так героя называет его дед Автолик «ὀδυσεύμενος» (‘рассердившись’). Он говорит, что многие люди его рассердили, и поэтому предлагает назвать внука «сердитый» — Ὀδυσσεύς.

Гераклит выводит слово ὁ θεός ‘бог’ из глагола θέω ‘бежать’, а Геродот — из τίθημι в значении ‘делать’, т. к. они (боги) — «θέντες τὰ πάντα πράγματα κόσμῳ» (‘сделавшие все вещи для мира (вселенной)’).

У Геродота в рассказе о посещении Креза Солоном приводится рассуждение последнего о том, что он может назвать Креза εὐτυχής, но не ὄλβιος, т. к. это слово, исходя из этимологического анализа Солона, состоит из двух компонентов: ὁ βίος ‘жизнь’ и ὅλος 3 ‘весь’ и поэтому обозначает только того, кто счастлив всю жизнь, а о человеке, который еще не умер, так сказать нельзя.

Наиболее последовательно и полно для своего времени наметил рамки обсуждения и определил цели и направления этимологических исследований Платон в диалоге «Кратил». В нем принимают участие философы Кратил, последователь Гераклита, и Гермоген; арбитром в их споре выступает Сократ. Предмет спора заключается в следующем: присуще ли вещи ее собственное имя, прирожденное и неизменное, изменяя которое мы допускаем ее ошибочное наименование, или же каждое слово является результатом договора между людьми и не отражает природу обозначаемой вещи. Так, Кратил утверждает, что истинное имя каждой вещи присуще ей по природе и является общим и для варваров, и для греков, а то имя (слово), которое в действительности употребляется, не является истинным. Гермоген же говорит, что имя (т. е. слово, обозначение предмета) — это результат соглашения (договора) между людьми. Поэтому, если люди дают вещам другие имена, то они становятся не менее истинными, чем первые. Анализ точности наименований делается на примере имен собственных. Рассматриваются два имени сына Гектора: ὁ Ἀστυάναξ, ἀνακτοῦ ‘Астианакт’ и ὁ Σκάμανδρος ‘Скамандр’. Более точно отражающим сущность называемого человека признается имя Ἀστυάναξ (< τὸ ἄστυ, ἕως ‘город’ + ὁ ἄναξ, ακτοῦ ‘владыка’), т. к. оно отражает социальное место сына Гектора. При этом оно синонимично в определенном смысле имени Ἐκτωρ, которое Платон возводит к глаголу ἔχω ‘владеть’. Анализируя значение имен Агамемнона и Атрея, Сократ приходит к выводу, что они точно отражают характер или сущность этих героев: ὁ Ἀγαμέμνων, ονος < «ἀγαστός κατὰ τὴν ἐπιμονήν» ‘достойный удивления из-за упорства’; ὁ Ἀτρεΐς, ἕως < τὸ ἀτηρόν ‘гибель’.

Этимологию слова ὁ ἄνθρωπος ‘человек’ Платон объясняет от ἀναθρέω ‘внимательно рассматривать’ и ὄπλω ‘я увидел’: «ἀναθρῶν ἃ ὄπλω» ‘внимательно рассматривающий то, что увидел’.

Затемнение значения слов связано, по мысли Платона, с разного рода искажениями. Например, в слове τὸ δίκαιον ‘справедливость’, которое восходит к διαίον ‘проходящее через все’, добавлена буква κ; в слове τὸ αἰσχρόν ‘позорное’ произошло стяжение из αἰεσχороῦν («ἀεὶ ἴσχοντι τὸν ῥοῦν») ‘то, что всегда задерживает течение’).

Так как каждая вещь обозначается звуками и слогами, то при анализе точности наименований следует учитывать возможность и сущность каждого звука и сочетания звуков. Так, ρ обозначает разного рода движение и резкость (ῥεῖν ‘течь’, ἡ ῥοή ‘поток’, ὁ τρόμος ‘дрожь’, κρούειν ‘стучать’); φ, ξ, ψ, σ, являясь спирантами, обозначают в словах нечто, связанное с придыханием: τὸ ψυχρόν ‘холодное’, ὁ σεισμός ‘трясение’, ξέρον ‘кипящее’; λ обозначает ровность и мягкость и употребляется в словах, имеющих такое значение.

Результатом диалога является утверждение, что названия вещам были даны одним или более законодателями (νομοθέται), которые более или менее точно отразили в звуковой форме значение (сущность) каждой вещи. Но поскольку на вещь можно смотреть с разных точек зрения, то точность наименования по природе (φύσει) всегда относительна. В дальнейшем уже действует договоренность между людьми и слова закрепляются в языке в их формах и с их значениями. При этом новые слова образуются от первоначальных (πρῶτα ὀνόματα) путем разного рода преобразований или словосложений: например, ὁ ἥρως, ὠος ‘герой’ считается производным от ὁ ἔρως, ὠτος ‘любовь’. Изменения первоначальных слов производятся для благозвучия (εὐστομία), чем и объясняется разница между существующими словами и предполагаемыми этимонами. Не исключено, что этимонами были варварские слова (теория заимствований).

Основы научной этимологии заложили стоики, теория которых была основополагающей вплоть до начала современной лингвистики. Они, так же как и Платон, выделяли слова первоначальные и производные. Первые из них, по их мнению, берут свое начало от природы (φύσει). Поздний последователь стоиков Августин приводит некоторые образцы таких этимологических исследований. Он указывает на звукоподражательный характер некоторых слов: **tinnītus** aeris ‘звон меди’, **hinnītus** equōrum ‘ржание лошадей’, **balātus** ovium ‘блеяние овец’, **clangor** tubārum ‘гудение труб’. Но даже если слова не передают точно значение обозначаемого предмета, то, тем не менее, набор звуков, их составляющих, должен соответствовать их значению: voluptas, ātis *f* ‘желание’ (**v**, **l** обозначают что-то приятное), crux, crucis *f* ‘крест’ (**r**, **x** обозначают нечто неприятное). Такую согласованность между значением слова и его звучанием стоики считают основным принципом возникновения первоначальных имен. В дальнейшем слова стали возникать по аналогии, по созвучию, например: crus, crucis *n* ‘голень’ по созвучию с crux, crucis *f* ‘крест’ — «так как они своей длиной и твердостью наиболее похожи на перекладины креста». Кроме того, слова могут называться по противоположности, например: «lucus a non lucendo» (‘роща — от отсутствия освещения’); «bellum, quod res bella non sit» (‘война, так как она не является хорошей вещью’); foedus, ēris *n* ‘договор’ — «так как это вещь не безобразная» (foedus, a, um). Также слова могут называться по смежности: urbs, urbis *f* ‘город’ от orbis, is *m* ‘круг’, от круга, начерченного вокруг того места, где будет город; horreum, i *n* ‘амбар’ от hordeum, i *n* ‘ячмень’, который хранится там; mucro, ōnis *m* ‘острие’ в значении ‘меч’.

Интересно трактуется этимология слова via, ae *f* ‘дорога’ — от vitis, is *f* ‘виноградная лоза’, потому что она свешивается над дорогой; vitis,

в свою очередь, возводится к *vincīre* ‘обвивать’, а последнее — к *vis f* ‘сила’. Существительное *vis* считается первоначальным словом, проследить происхождение которого невозможно.

Нигидий Фигул в изложении Авла Гелия объясняет возникновение некоторых первоначальных имен на примере местоимений *nos* и *vos*: произнося начальные звуки этих слов, мы в первом случае почти прерываем дыхание и сжимаем губы — *nos*, а во втором — губы вытягиваются и дыхание направляется в сторону собеседника — *vos*.

Из первоначальных слов путем *πάθη τῆς λέξεως* или *πάθη τῆς φωνῆς* (‘претерпеваний слова’) образуются новые, производные имена.

Варрон в «*De linguā Latīnā*» (V, 37) объясняет этимологию слова *praeda*, *ae f* ‘добыча’ из *parida* («*quod manu parita*» ‘что рукой добыто’), которого вообще не существует в латинском языке, а *praemium*, *i n* ‘награда’ — из *praeda*. Согласно Варрону, задача этимологии — изучить, «*cur et unde sint verba*» (‘почему и откуда возникают слова’). При исследовании этого следует учитывать, что: 1) некоторые слова уже исчезли из языка; 2) некоторые образовались ошибочно, т. е. не отражают сути называемой вещи; 3) некоторые из слов изменили звуки в результате их отпадения, прибавления, перестановки, или изменили значение. Варрон ставит себе задачу следующим образом: «Поскольку есть слова наши или чужие или устарелые, то о наших я скажу, почему они <созданы>, о чужих — откуда они появились, об устарелых — ничего не скажу». Таким образом, в разделе, посвященном этимологии, он рассматривает вопрос о заимствованиях. При этом Варрон придерживался мнения, что латинский язык происходит из греческого, и поэтому все латинские слова пытается объяснить исходя из греческого языка, например, *stagnum*, *i n* ‘болото’ < τὸ στεγνόν ‘крыша’ и т. п.

Вообще в латинском языке существовало две точки зрения в отношении взаимодействий латинского и греческого языков. Некоторые, как Варрон, выводили латинский язык из греческого, а именно из эолийского диалекта, т. к. в нем не было *duālis* и ударение не ставилось на последний слог. Этого мнения придерживались Энний, Веррий Флакк, Филоксен, Фест. В словаре Феста этимология многих латинских слов объясняется из греческих, например: *astutia*, *ae f* ‘хитрость’ < τὸ ἄστυ, *εως* ‘город’; *anus*, *ūs f* ‘старуха’ из ἄνοος 2 ‘безумный’. Латинские грамматики принимали во внимание только звучание слова и на этом основании считали его заимствованием. Если же совпадало и звучание, и значение, слово считалось безусловно заимствованным, например: *ver*, *veris n* < τὸ ἔαρ, *αρος* ‘весна’; *nox*, *noctis f* < ἡ νύξ, *νυκτός* ‘ночь’. Но была и другая точка зрения, представленная Невием, Нигидием Фигулом, Элием Стилионом, по которой латинские слова не имели никакой связи с греческими.

В более поздний период сохранилась эта же тенденция выводить все латинские слова из греческих на основе их созвучия. Например, французский ученый XVI в. Ю. Ц. Скалигер приводит иногда произвольные этимологии латинских слов от созвучных греческих: *pulcher*, *chra*, *chrum* ‘прекрасный’ < πολύχειρ, χείρος ‘многорукий’; *similis*, *e* ‘подобный’ < μιμηλός & ‘подражающий’.

После появления сравнительно-исторического метода было определено место обоих языков в системе индоевропейских. Появились попытки отделить общеиндоевропейские слова от заимствований. Впервые на научной основе поставил вопрос о заимствованиях из греческого в латинский язык Георг Курциус на конгрессе филологов в 1855 г. в Гамбурге.

Примером анализа греческих заимствований в латинском языке является словарь Г. Заальфельда (*Saalfeld*) «*Thensaurus Italograecus*». Он приводит греческие заимствования в алфавитном порядке. Ценность этого словаря в том, что в нем собрано много фактического материала.

Немецкий ученый М. Руге в работе «*Bemerkungen zu den griechischen Wörter in Lateinische*» выделяет более ранние устные заимствования и более поздние литературные.

Одной из наиболее фундаментальных работ по заимствованиям из греческого языка в латинский является монография О. Вайзе (*O. Weise*) «*Die griechischen Wörter in Latein*» (*Leipzig*, 1882). Он рассматривает греческие заимствования на фоне общего культурного влияния Греции на Рим, анализирует фонетические признаки греческих заимствований. В своем анализе греческих заимствований он учитывает не только данные литературных источников, но также надписи, сведения грамматиков и глоссы. По возможности он старается указать автора, у которого впервые встречается заимствованное слово. Его работа состоит из трех частей. В первой представлен языковой материал и его анализ, вторая часть — это история культурно-политических связей греков и римлян на протяжении многих столетий, а третья содержит индекс греческих заимствований в латинском языке. О. Вайзе разделяет заимствования на три разновидности: 1) те, которые народ впитывает в свой язык полностью и адаптирует настолько, что они перестают восприниматься как заимствования. Это, как правило, названия предметов, ранее не известных, которые заимствуются в культурный обиход вместе с их названием: *purpura*, *ae f* ‘пурпурная краска, пурпурная одежда’ < ἡ πορφύρα; *machina*, *ae f* ‘машина, орудие’ < ἡ μηχανή; 2) те, которые вошли в состав языка, хотя и употребляются не всеми слоями общества, однако некоторыми очень активно. При этом заимствованные слова могут иметь синонимы в заимствующем языке или калькироваться в нем (особенно это касается научных терминов), например: *philosophia*, *ae f* (< ἡ φιλοσοφία) совпадает по зна-

чению с латинским *sapientia*, ae *f*; *rhetořica*, *ōrum n* (< ἡ ῥητορικῆ) калькируется сочетанием *ars oratoria*. Из слов общей лексики примерами могут служить слова: *petra*, ae *f* (< ἡ πέτρα) ‘камень, скала’, соответствующее латинским словам *saxum*, *i n*, *lapis*, *īdis m*; *cypnus*, *i m* (< ὁ κύκνος) ‘лебедь’ и латинское *olor*, *ōris m*. Причем заимствованные слова были более распространены в латинском языке, о чем свидетельствуют их отражения в романских языках; 3) слова, которые относятся только к литературному языку и употребляются отдельными авторами, исходя из их собственных соображений, например: *thalassius*, a, um < θαλάσσιος 3 ‘морской’; *chryseus*, a, um < χρύσεος 3 ‘золотой’; *acoetis*, is *f* < ἡ ἄκοιτις, ιος ‘супруга’ у Луцилия («*Satūrae*», XVII, 1); *acersecōmes*, ae *f* < ἀκερσεκόμης 2 ‘длинново-лосый’ у Ювенала («*Satūrae*», VIII, 128). Они служат для украшения речи и подчеркивают их иностранное происхождение соответствующими греческими падежными окончаниями. Особенно часто это бывает у поэтов. В частности, у Проперция в дат. п. мн. ч. встречается окончание **-sin** (< **-σιν**): (Ham)adryāsīn < (Ham)adryas, ādis *f* ‘(гама)дриада’; Thyniāsīn < Thynias, ādis ‘тинийская’ («*Elegiae*», I, 20). Чаще всего греческие окончания встречаются в формах вин. п. ед. и мн. ч., например: Argon < Argo, ūs *f* ‘Арго’ (Ibid., I, 20); Iliādas < Ilias, ādis *f* ‘Илиада’ (Ibid., II, 1).

Б. Фридман в работе «Ионийские и аттические слова в латинском языке» рассматривает заимствования с точки зрения их диалектной принадлежности. Он использует не только литературный, но и эпиграфический материал. Все ранние заимствования он считает дорийскими, но не принимает во внимание ахейский диалект.

Проблемам заимствования из греческого языка в латинском посвящены некоторые работы итальянских исследователей Дж. Паскуали («*Preistoria della poesia romana*». Firenze, 1936) и Дж. Девото («*I primi grecismi nella storia della lingua latina*». Bruxelles, 1937). Есть работа о греческих заимствованиях и у А. Эрну («*Aspects du vocabulaire latin*». Paris, 1954.).

7. ПЕРЕДАЧА ГРЕЧЕСКИХ ФОНЕМ В ЗАИМСТВОВАНИЯХ

Консонантизм. Несмотря на то, что и греческий, и латинский языки принадлежат к одной языковой семье и даже к одной группе «centum», фонетические системы этих языков отличаются друг от друга. Например, в латыни и греческом по-разному отразились индоевропейские звонкие придыхательные: в греческом языке они перешли в глухие придыхательные (θ, φ, χ); в латинском языке в начале слова они перешли в **f, h**, а в середине — в **d, b, g**. Соответственно, при заимствовании греческих слов, содержащих придыхательные, в латинском языке они передавались ис-

торически по-разному. До второй половины II в. до н. э. они передавались соответствующими глухими смычными:

- **φ > p**: ἡ πορφύρα > purpura, ae *f* ‘пурпур’; οἱ Φοίνικες > Poeni, ōrum *m* ‘пунийцы’;

- **θ > t**: ἡ μίνθη > menta, ae *f* ‘мята’; τὸ θύος, εὖς > tus, turis *n* ‘ладан, фимиам’; последнее существительное является очень древним заимствованием, о чем свидетельствует ротацизм.

- **χ > c**: ὁ ἀρχιτέκτων, οὐος > arcitectus, *i m* ‘строитель’; τὸ χαρέφυλλον > caerefolium, *i n* ‘купырь, кервель (вид растения)’.

С конца II в. до н. э. в греческих заимствованиях были введены придыхательные согласные для передачи соответствующих греческих придыхательных: amphōra, ae *f* < ὁ ἀμφορεύς, ἕως ‘амфора’; theātrum, *i n* < τὸ θεάτρον ‘театр’; concha, ae *f* < ἡ κόγχη ‘раковина’.

В разговорном языке сохранились старые латинские формы заимствованных слов без аспирации. А в литературном языке аспирация по аналогии распространилась и на некоторые латинские слова, например: pulcher, chra, chrum ‘красивый’; sepulchrum, *i n* ‘могила’. Не получили аспирации очень ранние заимствования, которые уже воспринимались как свои: purpura, Poeni, tus.

В некоторых заимствованных словах с греческим φ оно передавалось латинским **f** под влиянием разного рода аналогий, например: formio, ōnis *m* ‘изделие, сплетенное из камыша’ < ἡ φόρμις, ἴδος или τὸ φόρμιον ‘плетенная корзинка’; fortax, ācis *m* ‘основание, фундамент’ < ὁ φόρταξ, ἀκος ‘носильщик’ под влиянием глагола fero ‘нести’; fucus, *i m* ‘пурпурная краска’ < τὸ φῦκος, εὖς ‘краска из пурпурных водорослей’ под влиянием латинского существительного fucus, *i m* ‘трутень’. «Appendix Probi» упоминает, что еще во второй половине IV в. н. э. греческое φ передается в латинском языке через **f**. Но есть и другой способ передачи этого согласного в латыни: через **b**: Bruges, um *m* < οἱ Φρύγες ‘фригийцы’ (считается, что под влиянием мессапского диалекта). Однако в период исправления орфографии греческих заимствований это слово приобрело форму Phryges, um *m*. Еще один пример передачи греческого φ через латинское **b** — существительное balaena, ae *f* < ἡ φάλαινα ‘кит’. Эти заимствования могли попасть в латинский язык через фригийско-фракийские диалекты, в частности, через македонский, т. к. в них не было придыхательных согласных, как и в латинском языке.

Двойко передавались в латинском языке греческие глухие и звонкие заднеязычные, например: gubernō, l ‘управлять’ < κυβερνάω; carbāsa, ōrum *n* ‘льняное полотно для паруса’ < τὸ κάρπασον ‘тонкая льняная ткань’; spelunca, ae *f* < ἡ σπηλυγξ, υγγος ‘пещера’; conger, gri *m* < ὁ γόγυρος ‘угорь’. Предполагают, что в латинском языке в момент заимство-

вания не различались глухие и звонкие смычные. Или же в данном случае можно предположить чье-то посредничество, возможно, этрусское. Вместе с тем известно, что до III в. до н. э. в латинском алфавите не было буквы **g**, которая была введена только в 293 г. до н. э. Спурием Карвилием Ругой.

Густое придыхание ([^h], *spiritus asper*) римляне в греческих заимствованиях передавали через **h**: *hilāris*, *e* < ἡλᾶρός 3 ‘веселый’; *halec* (*halex*, *alec*), *ēsis n* ‘рыбный соус’ < τὸ ἄλुकόν или ἡ ἄλुकίς, ἰδος ‘соленость’. Так как звук **h** в латинском языке был очень слабым, то в разговорном языке, т. е. народной латыни, он вообще не произносился, из-за чего и возникали варианты. Но, с другой стороны, тенденция к гиперурбанизму вела к тому, что **h** добавляли даже в греческих заимствованиях, которые в оригинале имели *spiritus lenis*, например, *hama*, *ae f* ‘ведро для тушения пожара’ < ἡ ἄμη ‘заступ, лопата’. Иногда **h** из тех же соображений гиперурбанизма появляется и в латинских словах, например: *humērus*, *i m* < и.-е. **omesos*.

Другим вариантом передачи *spiritus asper* в латинском языке является буква **s**, например: *serpyllum* (*serpullum*), *i n* < ὄ ἔρπυλλος ‘тимьян’. Это объясняют или очень древними заимствованиями от греков, которые поселились в Италии еще в XIII–XII вв. до н. э., или же влиянием народной этимологии, которая ассоциировала эти слова с другими латинскими словами.

Греческое **ῥ** в начале слова с густым придыханием передавалось сначала простым **r**, а с конца II в. до н. э. — сочетанием **rh**, например: *rhythmus*, *i m* < ὄ ῥυθμός ‘ритм’; *rhapsodia*, *ae f* < ἡ ῥαψωδία ‘песнь’. Некоторые латинские слова, начинающиеся с **r**, по аналогии к греческим заимствованиям тоже получили придыхание, например, *Rhea*, *ae f* < *Rea* ‘Рея, мать Ромула и Рема’.

Аппий Клавдий Цекус в 312 г. до н. э. устранил из латинского алфавита букву **z**, что было вызвано переходом интервокального звонкого **s** (**z**) в **r** (закон ротацизма). В словах греческого происхождения она стала передаваться как **s** в начале слова и **ss** — в середине, например: *Saguntum*, *i n* ‘Сагунт, г. в Испании’ < ἡ Ζάκυνθος ‘Закинф, о-в в Ионическом море’; *trapessita*, *ae f* < ὄ τραπεζίτης ‘меняла’. В I в. до н. э. в латинский алфавит опять ввели букву **z** специально для греческих заимствований, поэтому часть из них была приближена к греческим образцам. Но греческий глагольный суффикс **-ίζ-ω** передавался в латинском языке через **-iss-o** и во многих глаголах сохранился без изменений, например: *patrisso*, *l* < πατρίζω ‘подражать отцу’; *atticisso*, *l* ‘выражаться на аттический лад’ < ἀττικίζω. С этим же суффиксом образовывались глаголы даже от чисто латинских слов, например, *trullisso*, *l* ‘штукатурить’ < *trulla*, *ae f* ‘лопатка каменщика’. С I в. до н. э. греческий суффикс **-ίζ-ω** передается в латинском языке преимущественно через **-iz-o**: *tympanizo*, *l* ‘бить в тимпан’, *citharizo*, *l* ‘играть на кифаре’.

Некоторые греческие сочетания согласных в заимствованиях в латинском языке получали вставной гласный (анаптыксис). Это касается сочетаний **bd**, **chm** (**cm**), **mn**: *bedella*, ae *f* < ἡ βδέλλα ‘червь’; арх. *drachūma* (*dracūma*), ae *f* < ἡ δραχμή ‘драхма, греческая монета’; арх. *Alcumēna*, ae *f* < ἡ Ἀλκμήνη ‘Алкмена, мать Геракла’; *Aesculapius*, i *m* ‘Эскулап, бог врачевания’ < ὁ Ἀσκληπιός ‘Асклепий’; *mina*, ae *f* < ἡ μνᾶ ‘мина, греческая денежная единица’.

Вокализм. Существовали разные варианты передачи греческого **υ** в латинских заимствованиях. Это было обусловлено тем, что вариантное произношение этого гласного было характерно в зависимости от диалекта и для греческого языка: в ахейских и дорийских диалектах это был звук [u], в ионийско-аттическом [ū]. В латинском языке он передается то как [u], то как [i], например: *murtus*, i *f* < ἡ μύρτος ‘мирт’; *cumba*, ae *f* < ἡ κύμβη ‘кимба, вид лодки’; но: *caliptra*, ae *f* < ἡ καλύπτρα ‘покрывало’; *Olympus*, i *m* < ὁ Ὀλυμπος ‘Олимп’.

В конце Республики для передачи греческого **υ** в латинский алфавит была введена буква **y**. В части греческих заимствований **υ**, **i** были заменены на **y**: *murtus*, *cumba*, *Olympus*. Там, где римляне не ощущали слово как заимствованное, были сохранены прежние гласные: *buxus*, i *f* < ἡ πύξος ‘букс, самшит’; *murena*, ae *f* < ἡ μύραινα ‘мурена, вид рыбы’. В некоторых исконно латинских словах также был введен **y**: *stylus* (*stilus*), i *m* ‘стиль’ < **stiglos*; *corŷlus*, i *f* ‘лесной орех’ < **coselos*.

Имя ὁ Ὀδυσσεύς, ἕως ‘Одиссей’ имеет в латинском языке форму *Ulixes*, i *s m*, что объясняется вариантами этого имени в греческих диалектах: Ὀλισσεύς, Οὐλίσης, Οὐλίξης (с переходом **δ** в **λ**).

Иногда греческое **υ** передается в латинском языке через **o**, например: *sporta*, ae *f* < ἡ σπυρίς, ἴδος ‘корзина’; *cotonea*, ae *f* ‘переступень, вид растения’ < ἡ κυθωνία ‘айва’. В первом случае **o** можно объяснить, исходя из фонетических законов латинского языка, как возникшее из **u** перед **r**. В слове *cotonea* **o** мотивировано аналогией со словом *cottāna*, *ōrum n* < τὸ κόττανον ‘коттаны, сорт маленьких фиг’.

В заимствованиях древнего происхождения, попавших в латинский язык устным путем, краткие **ā**, **ē**, **ō** ослабляются в открытых срединных слогах в **ī**, **ū**, как в латинских словах: *Massilia*, ae *f* < ἡ Μασσαλία ‘Массилия’; *trutīna*, ae *f* < ἡ τρυτῆνη ‘весы’; *Sicilia*, ae *f* < ἡ Σικελία ‘Сицилия’. В то же время в соответствии с фонетическими законами латинского языка **ā** перед **r** переходило в **ē** (*camēra*, ae *f* < ἡ καμῆρα ‘свод’), **ē** перед **l** велярным — в **ū** (*scorūlus*, i *m* < ὁ σκόπελος ‘скала’), **ā** перед губным — в **ū** (*Hesūba*, ae *f* < ἡ Ἑκῆβη ‘Гекуба’).

В закрытом слоге в середине слова **ā** > **ē**, **ō** > **ū**, как в исконно латинских словах, например: *talentum*, i *n* < τὸ τάλαντον ‘талант, денежная единица’, *amurca*, ae *f* < ἡ ἀμόργη ‘отстой оливкового масла’.

Но все это касается только слов, заимствованных устным путем. В словах литературного происхождения греческие звуки передавались точными соответствиями: *суǎthus*, *i m* < ὁ κύαθος ‘киаф, небольшой кувшин’; *арōlōgus*, *i m* < ὁ ἀπόλογος ‘притча’; *orgānum*, *i n* < τὸ ὄργανον ‘орудие’.

Дифтонгу **αι** в начале слова соответствует **ae**: *chlaena* (*laena*), *ae f* < ἡ χλαῖνα ‘шерстяной плащ’; *Aenēas*, *ae m* < ὁ Αἰνεΐας ‘Эней’. В середине слова этот дифтонг передавался через **ī**: *olīva*, *ae f* < ἡ ἐλαία ‘олива’, но в литературных заимствованиях и в середине слова данный дифтонг передавался через **ae**: *palaestra*, *ae f* < ἡ παλαίστρα ‘гимнастическая школа’.

Дифтонг **ει** передавался как **ī** или **ē**, например: *pīrāta*, *ae m* < ὁ πειρατής ‘пират’; *Darēus*, *i m* < ὁ Δαρεΐος ‘Дарий’; *Aenēas*, *ae m* < ὁ Αἰνεΐας ‘Эней’. В слове *balineum*, *i n* < τὸ βαλανεῖον ‘баня’ **ē**, возникшее из дифтонга, сократилось перед гласным, как в исконно латинских словах, что свидетельствует о древности и устном способе заимствования.

Дифтонг **αυ** сохраняется в латинском языке без изменений, например, *thesaurus*, *i m* < ὁ θησαυρός ‘сокровище’.

Дифтонг **ευ** в ранних устных заимствованиях передается или через **e**, если он был в конце слова, или через **u**, если находился в середине: *Achilles*, *is m* < ὁ Ἀχιλλεύς, ἕως ‘Ахилл’; *Pollux*, *ūs is m* ‘Поллукс’ < ὁ Πολυδεύκης, ους ‘Полидевк’. Некоторые заимствованные греческие имена собственные на **-ευς** в дальнейшем были изменены в соответствии с греческим оригиналом: *Nereus*, *i m* < ὁ Νηρεύς, ἕως ‘Нерей’; *Theseus*, *i m* < ὁ Θησεύς, ἕως ‘Тесей’; *Tydeus*, *i m* < ὁ Τυδεύς, ἕως ‘Тидей’, хотя в древности, по свидетельству Сервия, эти имена писали *Neres*, *Teses*, *Tydes*. Но в словах литературного заимствования греческий дифтонг **ευ** передавался таким же латинским дифтонгом, например: *Eurōpa*, *ae f* < ἡ Εὐρώπη ‘Европа’; *Euripides*, *is m* < ὁ Εὐριπίδης, ου ‘Эврипид’.

Дифтонг **οι** обычно передается через **oe**, например: *Phoebus*, *i m* < ὁ Φοῖβος ‘Феб’; *roena*, *ae f* < ἡ ποινή ‘наказание’. Но в некоторых случаях он отражается как **o**: *dīocēsis*, *is f* < ἡ διοίκησις, εως ‘округ’.

Таким образом, способ передачи некоторых греческих звуков в заимствованиях может свидетельствовать о времени и способе заимствования.

8. НАРОДНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

Народная этимология оказала значительное влияние на внешний вид заимствованных слов. Она связана с формальной и смысловой сторонами слова. В отличие от научной этимологии, где принимается во внимание комплекс закономерностей фонетических соответствий между разными языками, факты народной этимологии опираются на осмысление слов на

основании определенных внешних ассоциаций. Народная этимология сопоставляет значение нового слова с чем-то уже известным и понятным.

Впервые термин «народная этимология» (*Volksetymologie*) употребил немецкий ученый Фёстерманн (*Föstermann*) в 1852 г. При этом он имел в виду малообразованную часть народа. Есть некоторые синонимы этого термина, употребляемые другими учеными: псевдоэтимология, фальшивая, ложная, наивная этимология.

Заемствованные слова в разговорном языке осмысляются путем приближения к знакомым словам: *палисадник* — *полусадик*, *пиджак* — *спинжак*. В XVII–XVIII вв. в русских документах встречается слово *удиненция* (от глагола *удиняться*) вместо малопонятного *аудиенция*.

Древние римляне такие этимологические сопоставления называли «бычьей» или «коровьей» этимологией. Подобные неверные ассоциации имели слова, заимствованные преимущественно устным путем. Особенно это касается имен. Например, имя *Hercules, is m* ‘Геркулес’ (< ὁ Ἡρακλῆς, εἶος ‘Геракл’) было связано ассоциацией с глаголом *hercisco, 3* ‘делить наследство’. При этом между *с* и *l* возникло анаптическое *й*. Имя *Pollux, ūcis m* ‘Поллукс’ возникло из ὁ Πολυδεύκης, οὐς ‘Полидевк’ через посредство *Pol-leuces* под влиянием существительного *lux, lucis f* ‘свет’.

Иногда народная этимология оказывает влияние только на часть слова, например, первую: *absis, īdis f* ‘апсида, орбита’ < ἡ ἀψίς, ἴδος ‘дуга, свод’; *obsonium, i n* ‘закуска; рл. рыбные продукты’ < τὸ ὀψώνιον ‘выдача продовольственного пайка’, в свою очередь образованного от глагола ὀψωνέω ‘покупать продовольствие’, который был заимствован в латинский язык в форме *obsōno, 1* с тем же значением. Форма этих заимствований мотивирована ассоциацией с латинскими приставками: в первом случае **ab-** и во втором **ob-**.

Греческое слово ἡ παλλακή ‘наложница’ приобрело в латинском языке форму *pellex (pelex, pallex), īcis f* ‘наложница, любовница’, т. к. было сближено по звуковой ассоциации со словом *pellis, is f* ‘мех, шкура’.

Существительное *aurichalcum (orichalcum), i n* ‘желтая медь, бронза’ восходит к греческой композите ὁ ὀρείχαλκος (< τὸ ὄρος, εὐρος ‘гора’ + ὁ χαλκός ‘медь’). Первая часть этого слова ассоциировалась у римлян со знакомым им словом *aurum, i n* ‘золото’.

В слове *amandōla, ae f* ‘миндаль’, образованном от ἡ ἀμυγδάλη, римляне улавливали сходство с глаголом *mando, 3* ‘грызть’.

Существительное *caduceus, i m* ‘жезл герольда’, восходящее к дор. τὸ κᾱρύκειον, приобрело свою форму, очевидно, под влиянием глагола *cado, 3* ‘падать’. Это слово дало в латыни и производные: *caduceātor, ōris m* ‘вестник’ и *caducifer, ěri m* ‘жезлоносец’.

Явление народной этимологии было свойственно в античности не только малообразованным слоям общества, но и ученым. Более или менее научный подход этимология приобретает только после открытия и использования сравнительно-исторического метода.

9. ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УСТНЫХ ГРЕЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

О заимствованиях, попавших в латинский язык устным путем, свидетельствуют фонетические изменения, аналогичные тем, что присущи собственно латинским словам, а также наличие производных слов. Это говорит о том, что заимствование воспринималось не как чужеродный элемент, а ощущалось как свое собственное слово. Примером такого рода заимствования является слово *aegumna*, *ae f* ‘горе, тяжкий труд’, образованное от греческого причастия *αἰρομένη* (от *αἶρω* ‘предпринимать’). Свидетельством адаптации к фонетической системе латинского языка является переход *ō* в *ū* в закрытом срединном слоге. Это слово впервые встречается у Энния. В латинском языке от него образовались слова: *aegumna bilis*, *e* ‘тягостный, горестный’, *aegumna dōsus*, *a, um* ‘обремененный бедствиями’, *aegumna ūla*, *ae f* ‘палка для ношения тяжестей’.

Еще одним примером подобного рода может служить существительное *balineum*, *i n* ‘баня’, имеющее вариант с синкопой *balneum*. Его этимом является греческое существительное *τὸ βαλανεῖον*. Заимствованное слово подверглось следующим фонетическим преобразованиям: *ā* > *ī* в открытом срединном слоге, дифтонг *ει* > *ē*, которое сократилось в позиции перед гласным. При этом при заимствовании сохранились тип склонения и род существительного. Это слово дало в латинском языке целое гнездо производных слов: *balineae* (*balneae*), *ārum f* ‘бани, купальни’, *balineātor* (*balneātor*), *ōris m* ‘банщик’, *balnearius*, *a, um* ‘банный’, *balneatorius*, *a, um* ‘банный, купальный’, *balneolūm*, *i n* ‘маленькая баня’, *balnearia*, *iūm n* ‘банные принадлежности’.

Много производных имеет в латыни существительное *cista*, *ae f* ‘ящик, ларец’, восходящее к греческому *ἡ κίστη*. Это слова *cistella*, *ae f* ‘ящичек, ларчик’, *cistellūla*, *ae f* ‘шкатулочка’, *cistellātrix*, *īcis f* ‘рабыня-хранительница ларчика’, *cisterna*, *ae f* ‘резервуар, подземное водохранилище’.

Наряду с такими заимствованиями, когда слово в латинском языке и морфологически соответствует греческому этимону, есть примеры, когда морфологический тип оригинала и заимствования не совпадают, например: *alcēdo*, *īnis f* ‘зимородок’ < *ἡ ἀλκυών, ὄνος*, возможно, по ассоциации с *hirundo*, *īnis f* ‘ласточка’; *amphōra*, *ae f* < *ὁ ἀμφορέυς, ἕως* ‘амфора’

с изменением типа склонения и рода существительного. Предположительно, латинское существительное восходит к форме вин. п. ед. ч. τὸν ἀμφορέα. Производное от этого слова существительное *ampulla*, ае *f* ‘пузырек, флакон’ указывает на древность заимствования, в котором первоначально греческое φ обозначалось через р. Оба заимствования послужили основой для образования новых слов: *amphorālis*, е ‘емкостью в 1 амфору’, *amphorarius*, а, um ‘разлитый в амфоры’, *ampullarius*, і *m* ‘бутылочный мастер’, *ampullaceus*, а, um ‘бутылкообразный’.

Слово *architectus*, і *m* < ὁ ἀρχιτέκτων, ονος ‘строитель’ отнесено в латинском языке к тематическому склонению, возможно, по аналогии к *testum* і *n* ‘крыша, дом’; *celox*, ὄcis *m*, *f* < ὁ κέλης, ητος ‘быстроходное судно’ приобрело свою форму под влиянием прилагательного *velox*, ὄcis ‘быстрый’. Греческое ὁ κηρός ‘воск’ стало в латыни существительным женского рода *cera*, ае *f* и было отнесено к 1-му скл., предположительно, по аналогии к сочетанию *tabŭla cerāta* ‘навощенная табличка’.

Глаголы при заимствовании также могут изменять свой морфологический тип. Например, *comissor*, 1 < κομίζω ‘пировать’ отнесено к отложительным глаголам по ассоциации с *epŭlor*, 1 ‘обедать’. От этого заимствования были образованы производные слова *comissātor*, ὄgis *m* ‘кутила’, *comissabundus*, а, um ‘разгульный, пирующий’.

10. ФОНОМОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАИМСТВОВАНИЙ, УСВОЕННЫХ КНИЖНЫМ ПУТЕМ

Основные признаки книжных заимствований в латинском языке следующие:

- 1) сохранение кратких гласных в середине слова без изменений;
- 2) сохранение дифтонгов в начале и в середине слова без изменений;
- 3) сохранение интервокального *s*;
- 4) сохранение морфологического типа слова. Иногда сохраняются даже греческие падежные окончания, особенно часто — в поэзии (у Вергилия, Проперция и др.).

Многие заимствования впервые отмечаются у Энния, в том числе существительное *aēr*, ἔris *m* ‘воздух’ < ὁ ἀήρ, έρος, восходящего к глаголу ἄημι ‘дуть’. В латинском языке это слово часто встречается с греческим окончанием в вин. п. ед. ч. *aēra*, а у Энния оно вообще склоняется и по греческому, и по латинскому образцу.

У Плавта и у Вергилия встречается существительное *amōtum*, і *n* ‘амом, ароматическое растение’, которое точно соответствует греческому τὸ ἄμωμον, а в латинском языке не имеет никаких однокоренных слов.

В словах *agōrānōmus*, *i m < ὁ ἀγορανόμος* ‘смотритель рынка’, *apōthēsa*, *ae f < ἡ ἀποθήκη* ‘склад’ в середине слова сохраняются краткие гласные, и у них нет производных слов. У Плавта и Лукреция встречается слово *barāthrum*, *i n < τὸ βάραθρον* ‘пропасть, бездна’, причем у Лукреция оно имеет форму *barāthrus*, *i m* ‘человек, достойный бездны, негодяй’, что является примером переносного употребления слова. Производных образований у него нет.

Только у отдельных авторов встречаются слова *canthārus*, *i m < ὁ κάλυθαρος* ‘чаша; жук-скарабей’, *casia*, *ae f < ἡ κασία* ‘корица’, *cheuma*, *ātis m (escheuma, ātis n) < τὸ χεῦμα, ατος* ‘поток’.

Таким образом, заимствования, усвоенные книжным путем, характеризуются большей фонетической и морфологической точностью, чем устные заимствования, но являются изолированными в системе латинского языка. Они, как правило, не образуют больших гнезд однокоренных слов, а иногда вообще не имеют производных. Чаще всего эти слова обозначают предметы и понятия, не имевшие широкого распространения в повседневной жизни.

11. ГРЕЧЕСКИЕ ПРЕФИКСЫ И СУФФИКСЫ В ЗАИМСТВОВАНИЯХ. СЛОЖНЫЕ СЛОВА

Признаком греческих заимствований могут служить греческие словообразовательные морфемы. Наиболее частотные **префиксы**, встречающиеся в заимствованиях:

- **(an-)** < **α** *privatīvum* со значением ‘не-, без-’: *a-phyllus*, *a, um* ‘безлиственный’; *an-algeticus*, *a, um* ‘обезболивающий’;
- **anti-** < **ἀντι-** со значением ‘против, напротив’: *anti-dōtum*, *i n* ‘противоядие’; *anti-pōdes*, *um m* ‘антиподы, обращенные друг к другу ногами’;
- **dia-** < **δια-** со значением ‘взаимность действия, состязание’: *dia-lōgus*, *i m* ‘беседа’; *dia-trība*, *ae f* ‘спор, обсуждение’;
- **dys-** < **δυσ-** со значением ‘разлад, расстройство’: *dys-enteria*, *ae f* ‘понос, дизентерия’; *dys-pepsia*, *ae f* ‘дурное пищеварение’;
- **epi-** < **ἐπι-** со значением ‘пребывание на чем-либо или у чего-либо’: *epi-dēmus*, *a, um* ‘местный’; *epi-gramma*, *ātis n* ‘надпись, эпиграмма’;
- **meta-** < **μετα-** со значением ‘перемена’: *meta-morphōsis*, *is f* ‘превращение’; *meta-phrāsis*, *is f* ‘переложение’;
- **para-** < **παρα-** со значением ‘возле, у; отступление от цели’ *para-bōlē*, *ēs f* ‘сопоставление, притча’; *para-phrāsis*, *is f* ‘переложение’;
- **syn-** (**sym-**) < **συν-** (**συμ-**) со значением ‘совместное действие, соучастие’: *syn-onūmum*, *i n* ‘синоним’; *sym-phonia*, *ae f* ‘музыка’;
- **hyper-** < **ὑπερ-** со значением ‘превышение меры’: *hyper-bōlē*, *ēs f* ‘преувеличение’; *hyper-tonia*, *ae f* ‘гипертония’;

- **hupo-** < ὑπο- со значением ‘движение или пребывание под чем-то, подчинение’: hupo-didascālus, *i m* ‘помощник учителя’; hupo-thēsa, *ae f* ‘залог’.

О греческом происхождении слова могут свидетельствовать и **суффиксы**:

- **-ad-**, **-id-**, **-yd-**, например: lampas, *ādis f* ‘светильник’, tyrannis, *īdis f* ‘тирания’, pelāmys, *ŷdis f* ‘тунец’;

- **-nt-**; существительные с данным суффиксом могли иметь в греческом языке и сигматический, и нулевой им. п. ед. ч., что отражается и в заимствованиях: elēphas, *antis m* ‘слон’; Atlas, *antis m* ‘Атлант’; horīzōn, *ontis m* ‘горизонт’; tenōn, *ontis m* ‘сухожилие’. Признаком греческих заимствований в последних двух примерах является и гласный **-o-** перед суффиксом **-nt-**. В латинском языке в образованиях с таким суффиксом ему предшествует гласный **-e-** (исключения sons, *sontis* ‘виновный’ и insons, *ontis* ‘невиновный’ восходят к глаголу sum);

- **-tā-** — латинская форма суффикса **-τᾱ-** (**-τη-**), образующего в греческом языке имена 1-го скл. мужского рода с сигматическим окончанием: pirāta, *ae m* < ὁ πειρατής ‘пират’; athlēta, *ae m* < ὁ ἀθλητής ‘атлет’. Латинские заимствования отличаются от греческого оригинала нулевым окончанием в им. п. ед. ч. Но книжные заимствования отражают исходную форму точно, например: epistātēs, *ae m* ‘смотритель, попечитель’ < ὁ ἐπιστάτης ‘начальник, наблюдатель’. Расширенным вариантом суффикса **-tā-** является суффикс **-istā-**, восходящий к греческому **-ιστη-**, например: sophista, *ae m* < ὁ σοφιστής ‘софист’; citharista, *ae m* < ὁ κιθαριστής ‘кифарист’;

- **-si-** < **-σι-**, очень распространенный греческий суффикс, выделяемый во многих заимствованиях, например: genēsis, *is f* ‘происхождение, возникновение’; basis, *is f* ‘основание’; thesis, *is f* ‘положение, утверждение’;

- **-ism-**, суффикс греческого происхождения, с помощью которого образуются абстрактные существительные, например: syllogismus, *i m* ‘умозаключение’, idiotismus, *i m* ‘свойственный данному языку оборот, идиома’. Уже в поздней латыни с его помощью образовывались существительные от латинских корней, например, paganismus, *i m* ‘язычество’ < pagānus, *i m* ‘сельский житель’. Это слово встречается у Августина. Суффикс **-ism-** приобрел высокую активность в словообразовании в современных языках.

Все эти греческие морфемы в дальнейшем стали широко использоваться при образовании интернациональной лексики, в том числе и научных терминов.

Греческие заимствования, представляющие собой по происхождению **сложные слова**, сохраняют все свои морфологические особенности, в частности, соединительный гласный **-o-**, например: oenopolium, *i n* ‘винный погребок’ < τὸ οἶνοπώλιον; thermopolium, *i n* ‘винная лавка’ < τὸ θερμώ-

люв. В латинском языке в качестве соединительного гласного в сложных словах употребляется *-i-*, если первый компонент композиты представляет собой тематическую основу, например: *agri-cōla*, ае *m* ‘земледелец’, *lati-fundium*, *i n* ‘обширное поместье’. По греческому образцу образовывались сложные слова-гибриды, у которых второй компонент греческий, например: *testamento-grāphus*, *i m* ‘составитель завещания’ < *testamentum*, *i n* ‘завещание’ + *γράφω* ‘писать’; *sago-chlāmys*, *ŷdis f* ‘военный плащ’ < *sagum*, *i n* ‘короткий военный плащ’ + *ἡ χλαμύς, ὕδος* ‘военный плащ’. Вместе с тем чисто греческие заимствования, которые вошли в повседневную речь римлян, приобрели вид латинских композит, например, просторечные формы: *orilegium*, *i n* ‘часы’ < *τὸ ὥρολόγιον* ‘солнечные часы’; *agonitēta*, ае *m* < *ὁ ἀγωνοθέτης* ‘устроитель и судья публичных состязаний’. Также и межъязыковые гибриды, образуемые комедиографами в стилистических целях, имели вид латинских композит, например: *pultiphāgus*, *i m* ‘поедатель полбы; шутливо о римлянах’ < *puls*, *pultis f* ‘каша из полбы’ + *ἔφαγον* ‘есть’; *flagritrība*, ае *m* ‘кнутоломатель; тот, о спину которого ломают кнут’ < *flagrum*, *i n* ‘кнут’ + *τρίβω* ‘тереть, истреблять’. Особенно характерны такого рода образования для комедий Плавта. Встречаются гибридные композиты, у которых первый компонент — греческое числительное, например: *mono-lōris*, е ‘с одной пурпурной полоской’ < *μόνος* 3 ‘один’ + *lorum*, *i n* ‘ремень’; *proto-sedeo*, 2 ‘восседать впереди’ < *πρῶτος* 3 ‘первый’ + *sedeo*, 2 ‘сидеть’. Являясь в основном книжными по своему происхождению, они образуются по законам греческого словосложения, т. е. с соединительным гласным *-o-*.

12. НЕКОТОРЫЕ ИСХОДНЫЕ ДАННЫЕ О ВРЕМЕНИ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Самым надежным критерием для определения времени заимствования является сообщение о том, когда появился в Риме предмет, обозначенный заимствованным словом. Так, например, точно известно, что римляне впервые увидели слонов во время тарентинской войны (278–276 гг. до н. э.), соответственно, слова *elēphas*, *antis m*, *elephantus*, *i m* ‘слон’ попали в латинский язык в это же время. Очень много сведений о первом появлении различных реалий в Риме сообщает Плиний Старший в своей «Естественной истории». Например, он пишет, что солнечные часы (*solaria horologia*) римляне впервые позаимствовали в 263 г. до н. э. из г. Катина, а водяные (*horologia*) стали использоваться с 159 г. до н. э., указывая при этом на время появления этих слов в латинском языке.

В области мореплавания первые заимствования появляются в царское время; лексика в этой сфере в значительной степени представлена греческими заимствованиями. Это же касается и названий денег и мер веса, что было связано с потребностями торговли с греками юга Италии и Сицилии.

Другой критерий, указывающий на время заимствования, — внешняя, звуковая форма слова. Он, конечно, менее надежен, т. к. фонетическая форма слова в разговорном языке не оставалась неизменной на протяжении столетий. Но если даже невозможно точно определить время заимствования, все-таки можно установить время, до которого было возможно заимствование. Например, появление в латинском языке существительного *tus, turis* и ‘фимиам’ (< τὸ θύος, εὐς) должно было произойти в период действия закона ротацизма, т. е. еще до цензорства Аппия Клавдия. Еще один пример такого же типа: неразличение глухих и звонких заднеязычных в заимствованиях, которое существовало в латинском языке до начала III в. до н. э., когда Спурий Кальвирий Руга ввел в алфавит букву *g*. Таким образом, можно утверждать, что слова *амигса*, *ae f* ‘осадок’ (< ἡ ἀμόρη), *conger, grī m* ‘угорь’ (< ὁ γούγρος) попали в латинский язык до этого времени.

Во время царствования Тарквиниев более тесные связи с греками развиваются через соседние греческие колонии в Кампании. Благодаря им в Риме появляются культы Геракла, Аполлона, Вакха. С этого времени вместо доминировавшего прежде этрусского влияния в архитектуре и строительстве преобладает греческое. Так как в Риме появляются греческие архитекторы и строители для возведения храмов новым богам по греческим образцам.

После присоединения Сицилии в Рим попадает много произведений греческого искусства, входит в моду коллекционирование статуй и картин. С конца III века до н. э. признаком образованного римлянина становится владение греческим языком. Многочисленные войны способствовали появлению в Риме большого числа греческих рабов. Они часто становились врачами и учителями, в результате чего все больше римского населения вступало в контакт с греками и усваивало греческий язык. До какой степени римский плебс был проникнут греческим влиянием, показывают комедии II в. до н. э. В них встречается значительное количество греческих слов и выражений, которые должны были быть понятны, чтобы представление вызывало интерес.

Через школу и сценическое искусство греческое влияние проникало в литературу. Первые римские поэты или переводили греческие оригиналы, или подражали им.

13. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Так как контакты греков и римлян касались всех сторон человеческой жизни, то и лексико-семантический диапазон греческих заимствований оказывается чрезвычайно широким. Греческие заимствования засвидетельствованы во всех областях жизни римлян, от окружающей человека природы до его духовных и телесных потребностей. Сфера и широта их использования были различны в зависимости от того, к какой области материальной или духовной культуры они относились.

Лексические заимствования в материальной сфере. Знания римлян в области окружающей природы в значительной степени обусловлены греческим влиянием. Это относится и к зоологии, и к ботанике, и, в наибольшей степени, к минералогии.

За исключением тех животных, которые были известны римлянам с древнейшего периода и имена которых они унаследовали еще с индоевропейских времен, названия экзотических, в особенности восточных животных имеют греческое происхождение. Очень многие африканские и азиатские животные стали известны в Риме благодаря греческому посредничеству. Скажем, слово *panthēra*, ae *f* < ὁ πάνθηρ, ἦρος ‘пантера’ появляется в латинском языке в начале II в. до н. э., т. к. есть сведения, что это животное появилось впервые в Риме в 186 г. до н. э., когда была устроена первая травля зверей в цирке. Другое название этого животного, *pardālis*, is *f*, также имеет греческое происхождение (< ἡ πάρδαλις, εως). А первое упоминание тигра (*tigris*, is и *īdis m* < ὁ τίγρις, ιος и ιδος) встречается у Варрона и относится к временам Августа.

Знакомством со многими экзотическими животными римляне обязаны курульному эдилу Марку Эмилию Скавр, который в 58 г. до н. э. устроил игры с большим количеством животных, в числе которых упоминается гиппопотам (*hippopotāmus*, i *m* < ἡ ἵπποπόταμος), крокодил (*crocodīlus*, i *m* < ὁ κροκόδειλος). Жираф (*camelopardālis*, is *f* < ἡ καμηλοπάρδαλις, εως) был впервые показан в Риме во время египетского триумфа Цезаря в 46 г. до н. э.; с этого времени и появляется такая форма его имени. Но Луцилий (конец II в. до н. э.) называет это животное также гречизмом *pantherocamelus*, i *m*. Из названных наименований большинство представляют собой слова различных восточных языков, для которых греческий послужил языком-посредником.

Названия рыб и других водных животных имеют мало общих корней в индоевропейских языках, так что эта лексика в основном индивидуальна для каждого языка или отличается большим количеством заимствований. Последнее относится в значительной степени к латинскому языку. Эти слова попадали в латинский язык из греческого на протяжении дли-

тельного времени. Например, слово *delphīnus*, *i m* ‘дельфин’ (< ὁ δελφίς, ἴνος) было заимствовано в древнейшие времена в связи с культом Аполлона. Известно, что в храме Аполлона в г. Кумы (Южная Италия) бог почитался в образе дельфина. Другие большие морские животные становятся известны римлянам с III в. до н. э., например, *balaena*, *ae f* ‘кит’ (< ἡ φάλαινα), *cetus*, *i m* ‘крупное морское животное (дельфин, кит, акула)’ (< τὸ κῆτος, εος), *physēter*, *ēris m* ‘кашалот’ (< ὁ φυσητήρ, ἦρος). С этого же времени разные виды рыб входят в питание римлян. Через посредство сицилийских или южноиталийских греков в латинский язык попадают дорийские названия: *parīta*, *ae f* ‘нарита, вид морского моллюска’ (< ὁ νηρίτης), *polŷrus*, *i m* ‘полип’ (< ὁ πολύπους, ποδος). С конца II в. до н. э. известны названия *thynnus*, *i m* ‘тунец’ (< ὁ θύννος), *silŷrus*, *i m* ‘сом’ (< ὁ σίλουρος), *saperda*, *ae m* ‘засоленная сельдь’ (< ὁ σαπέρδης). Среди морских объектов, не используемых в пищу, которые стали известны римлянам через посредство греков, можно назвать *corallium*, *i n* ‘коралл’ (< τὸ κοράλλιον), *margaīta*, *ae f* ‘жемчуг’ (< ὁ μαργαρίτης), *spongia*, *ae f* ‘губка’ (< ἡ σπογγία).

Особенно много слов, называющих виды рыб, встречается у Овидия в его поэме «Наука рыболовства» («*Halieutica*»), где он описывает рыб Черного моря, названия которых он услышал от греков, находясь в изгнании. Только часть этих наименований имеют соответствия в греческих источниках и могут быть соотнесены с современными названиями морских обитателей, например, *caris*, *īdis f* ‘креветка’ (< ἡ καρίς, ἶδος). Точная идентификация других названий представляет затруднение; они часто определяются просто как «род морской рыбы»: *canthārus*, *i m* (< ὁ κάνθαρος), *mormut*, *ŷris f* (< ὁ μορμούρος), *orphus*, *i m* (< ὁ ὄρφος).

Другой источник этой лексики — Плиний Старший, который в своих исследованиях основывался на греческих источниках и предпочитал греческие названия, т. к. они были более распространенными. Большую часть вышеназванных обозначений рыб мы встречаем и в его произведениях.

Среди названий птиц греческими заимствованиями являются в основном названия экзотических птиц: *phasiānus*, *i m* ‘фазан’ (< Φασιανός *z* ‘имеющий отношение к реке или городу Фасис’), *phoenicoptērus*, *i m* ‘фламинго’ (< ὁ φοινικόπτερος), *struthio*, *ōnis m* и *struthocamēlus*, *i m* ‘страус’ (< ὁ στρουθός, ὁ στρουθοκάμηλος), *psittācus*, *i m* ‘попугай’ (< ὁ ψιττακός). Их привозили в Рим ради развлечений, и широкого распространения они не имели. Но и некоторые привычные в Риме птицы именовались греческими словами, в частности, в поэтических текстах, например, *cuspis*, *i m* ‘лебедь’ (< ὁ κύκνος), *Philomēla*, *ae f* ‘соловей’ (< ἡ Φιλομήλα).

Анализ названий растений показывает, что в большинстве случаев римские земледельцы придумывали для новых незнакомых растений на-

именования, используя собственные языковые средства, а не прибегая к заимствованиям, например: *parus*, *i m* ‘брюква’, *lactūsa*, *ae f* ‘латук’, *gubus*, *i m* ‘ежевика’. Но многие культурные растения стали известны римлянам в их греческом наименовании, например, *olīva*, *ae f* ‘олива’ (< ἡ ἔλαια), *amygdālum*, *i n* ‘миндаль’ (< τὸ ἀμύγδαλον), *platānus*, *i f* ‘платан’ (< ἡ πλάτανος). Культура и название мирта (*myrtus* (*murtus*), *i f* < ἡ μύρτος) пришли в Рим вместе с культом Венеры.

В. Бертольди в своей статье, посвященной роли греческого и латинского языков в колонизации западного Средиземноморья, отмечает, что эти языки унаследовали разные названия железа от тех племен, с которыми столкнулись во время миграции на свою историческую родину: греч. ὀ σίδηρος и лат. *ferrum*, *i n*. Также разного происхождения наименования золота (ὀ χρυσός и *aurum*, *i n*), меди (ὀ χαλκός и *aes*, *aeris n*) и др. Но слово, обозначающее общее понятие ‘металл’, было заимствовано римлянами у греков: ср.: *metallum*, *i n* и τὸ μέταλλον. В области минералогии многие названия драгоценных камней в латыни являются грецизмами. Это относится и к словам, для которых греческий язык выступает лишь посредником, как, например, индийского происхождения названия *smaragdus*, *i m* < ἡ σμάραγδος ‘изумруд’, *beryllus*, *i m* < ἡ βήρυλλος ‘берилл’, так и собственно греческие наименования *amethystus*, *i f* < ἡ ἀμέθυστος ‘аметист’, *chrysolīthus*, *i m* < ὀ χρυσόλιθος ‘топаз’.

Греческие заимствования в лексико-семантическом классе, относящиеся к области морской техники и связанной с ней морской торговли, указывают на древние связи между греками и римлянами в этой сфере. Об этом свидетельствует фонетический облик таких грецизмов, как *gubernātor*, *ōris m* < ὀ κυβερνήτης ‘кормчий’, *ancōra*, *ae f* < ἡ ἄγκυρα ‘якорь’; встречающиеся у Плавта слова, обозначающие ‘кошелек’: *marsupium*, *i n* < ὀ μάρσιπος ‘мешок, сумка’, *rasceōlus*, *i m* < ὀ φάσκωλος ‘кожаный мешок, сумка’. Также у Плавта засвидетельствована архаичная форма заимствования *tarpessīta*, *ae m* < ὀ τραπεζίτης ‘меняла’, которое позже было модифицировано в соответствии с греческим этимологом в *trapezīta*, *ae m*. К числу заимствований относятся также слова *proprōla*, *ae m* < ὀ προπώλης ‘торговый посредник’, *monopolium*, *i n* < ἡ μονοπωλία ‘монополия’, попавшее в латынь через греческий язык название египетского судна *baris*, *īdis f* и *barca*, *ae f* < ἡ βάρης, ἰδος.

В лексике, относящейся к бытовой сфере, называющей предметы домашнего обихода человека, грецизмы также достаточно многочисленны. Они представлены в различных семантических группах. Это и предметы домашней утвари, например: *cista*, *ae f* < κίστη ‘сундук, ящик’; *calāthus*, *i m* < ὀ κάλαθος ‘корзина’; *lychnūchus*, *i m* ‘светильник’ < ὀ λυχνούχος ‘подставка для светильника’. Ранним и устным заимствованием является

слово *grabātus*, *i m* < ὁ κράββατος ‘кровать’, судя по передаче греческого глухого заднеязычного звонким в латинском языке. Кроме того, в латинском языке это слово имеет специализированное значение ‘низкая кровать, койка’ по сравнению с более широким у греческой лексемы.

Среди номинаций одежды мы также встречаем заимствования, называющие или какие-то специфически греческие объекты, например: *paenŭla*, *ae f* ‘теплый плащ с капюшоном’ < ὁ φαινόλης ‘род плаща’; *chlamys*, *ŷdis f* ‘плащ’ < χλαμύς, ὕδος ἢ ‘короткий плащ’; *sandalium*, *i n* < τὸ σανδάλιον ‘сандалия’, или предметы роскоши, имеющие часто восточное происхождение, например, *byssus*, *i f* < ἡ βύσσος ‘тонкое полотно’.

Лексические заимствования в интеллектуальной сфере. Среди научных дисциплин грамматика стала первой, вызвавшей практический интерес римлян. Первое непосредственное знакомство с греческой грамматической системой произошло в 159 г. до н. э., когда пергамский ученый Кратет с Маллоса прочитал в Риме лекции, вызвавшие большой интерес римлян. Об этом пишет Светоний в своей книге «О грамматиках и риториках», считая это событие началом занятий грамматикой в Риме.

В области заимствований эта лексико-семантическая подсистема демонстрирует особенности, которые состоят в том, что тут четко просматривается стремление римлян заменить греческие термины латинскими. Большинство грамматических терминов были переведены на латинский язык точными эквивалентами, т. е. калькированы. Кальки представлены во всех частях грамматической теории. Заимствовав греческую систему частей речи, римляне перевели их названия, употребив уже существующие в языке слова: τὸ ὄνομα, ατος — *nomen*, *inis n*; τὸ ρῆμα, ατος — *verbum*, *i n*; τὸ ἐπίθετον (ὄνομα) — (*nomen*) *adjectivum*. Калькированы также фонетические и морфологические термины: τὰ φωνήεντα — *vocales*, *ium f*; τὰ σύμφωνα — *consonantes*, *ium f*; ἡ πτώσις — *casus*, *ūs m*; οἱ χρόνοι — *tempora*, *um n*. Некоторые из этих слов были специально созданы по модели греческих терминов (*adjectivum*, *consonantes*). Для других были использованы уже имеющиеся в языке слова, соотносимые с соответствующими им греческими (*nomen*, *casus*).

Термины, для которых не были найдены подходящие эквиваленты в латинском языке, были заимствованы. К ним относятся слова *syllāba*, *ae f* < ἡ συλλαβή, *apostrophus*, *i m* < ὁ ἀπόστροφος, *diphthongos*, *i m* < ὁ δίφθογγος.

Среди терминов, относящихся к поэтическому творчеству, большинство слов являются грецизмами, начиная с обозначения творца поэтического произведения: *poēta*, *ae m* (< ὁ ποιητής) и разных видов поэтических произведений: *tragoedia*, *ae f* (< ἡ τραγῳδία), *comodia*, *ae f* (< ἡ κωμῳδία), *epigramma*, *ātis n* (< τὸ ἐπίγραμμα, ατος), *hymnus*, *i m* (< ὁ ὕμνος), и вклю-

чая все названия стихотворных размеров: hexamēter, tri *m* (< τὸ ἑξάμετρον), iāmbus, *m* (< ὁ ἰάμβος), dactylus, i *m* (< ὁ δάκτυλος).

Но не только в сфере поэтических терминов изобилуют грецизмы, их много и среди слов, относящихся к прозаическому творчеству, например: *historia*, ae *f* ‘история’ (< ἡ ἱστορία), *dialōgus*, i *m* ‘философская беседа’ (< ὁ διάλογος), *ephemēris*, *īdis f* ‘журнал, дневник’ (< ἡ ἐφημερίς, ἴδος). В целом среди лексем, относящихся к письму, много греческих заимствований, например: *epistūla*, ae *f* ‘письмо’ (< ἡ ἐπιστολή), *papyrus*, i *m* ‘папирус’ (< ὁ πάπυρος), *charta*, ae *f* ‘бумага’ (ὁ χάρτης). Со времен Цицерона в латинском языке появляется слово *bibliothēca*, ae *f* ‘библиотека’ (< ἡ βιβλιοθήκη).

Необходимость в искусстве публичного красноречия появляется в Риме с конца II в. до н. э. в связи с активной политической борьбой. С этого времени возрастает интерес к греческой риторике и занятиям ею, что ведет к появлению соответствующей терминологии, которая представлена или заимствованиями, или кальками с греческого языка. Уже в начале I в. до н. э. появилась первая латинская риторика «*Rhetorica ad Herennium*». Ее автор заявляет о стремлении переводить риторические термины на латинский язык, а не заимствовать греческие. С этого времени появляются латинские эквиваленты названий для разных видов речей, которые представляют собой точные переводы греческих: *laus*, *laudis f* ‘похвала, прославление’ — ὁ ἔπαινος; *vituperatio*, *ōnis f* ‘порицание, поношение’ — ὁ ψόγος. Точными переводами являются также названия разных видов судебных речей: *accusatio*, *ōnis f* ‘обвинение’ — ἡ κατηγορία; *defensio*, *ōnis f* ‘защита’ — ἡ ἀπολογία. Элементы, организующие структуру речи, также получили латинские наименования: *inventio*, *ōnis f* ‘нахождение’ — ἡ εὑρεσις, εως; *dispositio*, *ōnis f* и *ordo*, *īnis m* ‘расположение’ — ἡ τάξις, εως; *memoria*, ae *f* ‘запоминание’ — ἡ μνήμη и др. Термины, называющие фигуры и тропы, могли употребляться как в виде греческих заимствований, так и в виде калек, например: *metaphōra*, ae *f* (< ἡ μεταφορά) — *translatio*, *ōnis f*; *metonymia*, ae *f* (< ἡ μετωνυμία) — *denominatio*, *ōnis f*; *periphrāsis*, *is f* (ἡ περίφρασις, εως) — *circumscriptio*, *ōnis f*; *hyperbōle*, *es f* (< ἡ ὑπερβολή) — *superlatio*, *ōnis f*.

Занятие философией появляется в Риме только со второй половины II в. до н. э. В основном все сводится к знакомству с произведениями греческих философов и их переводу. Особенно выдающаяся заслуга в этом принадлежит Цицерону. Он поставил себе цель познакомить римского читателя с богатством греческой философской мысли. Многие его произведения представляют собой пересказ и интерпретацию трудов разных философских школ Греции. В связи с этим перед ним стоит задача выразить философские понятия греков средствами латинского языка. Как и в случае

с риторической терминологией, основной тенденцией было создать собственные эквиваленты для обозначения заимствуемых понятий. Принимая уже укоренившиеся в латинском языке грецизмы, как, например, *philosophia*, *dialectica*, *physica* и многие другие, Цицерон пытается переводить новые термины, создавая соответствия греческим и часто употребляя их параллельно. Среди них можно указать следующие: *dogma*, *ātis n* ‘основоположение, мнение’ (< τὸ δόγμα, ατος) — *decretum*, *i n*; *haerēsis*, *eos f* ‘учение, направление’ (< ἡ αἵρεσις, εως) — *secta*, *ae f*; *paradōxa*, *ōrum n* ‘странные мнения, противоречащие общепринятым’ (< παράδοξος 2 ‘необычный, странный’) — *admirabilia*, *ium n*.

Многие из заимствований такого рода не получают широкого распространения в латинском языке и являются узкоспециальными. К подобным грецизмам, которые засвидетельствованы только у одного автора, относится, например, слово *theorēma*, *ātis n* ‘положение, подлежащее доказательству, теорема’ (< τὸ θεωρήμα, ατος) у Авла Геллия.

Иначе обстоят дела в области географической терминологии. Лексика этой подсистемы в значительной степени представляет собой греческие заимствования, имевшие широкое распространение в языке. Грецизмами являются названия стран и континентов: *Eurōpa*, *ae f* (< ἡ Εὐρώπη), *Asia*, *ae f* (< ἡ Ἀσία), *Aegyptus*, *i f* (< ἡ Αἴγυπτος), *Scythia*, *ae f* (< ἡ Σκυθία). Слово *Italia*, *ae f* впервые засвидетельствовано у Геродота: ἡ Ἰταλία (I, 24; IV, 15).

Имя заклятых врагов римлян, пунийцев, также имеет греческое происхождение: *Poeni*, *ōrum m* < οἱ Φοίνικες. На его древнее включение в латинский язык указывает его фонетический облик и целое гнездо производных прилагательных: *Punicānus*, *Puniceus*, *Punīcus*.

Из нарицательных существительных, относящихся к географической терминологии, можно назвать слова *isthmus*, *i m* ‘перешеек’ (< ὁ ἰσθμός), *acroterium*, *i n* ‘мыс’ (< τὸ ἀκρωτήριο), а также употреблявшиеся в поэзии номинации моря: *pelāgus*, *i n* (< τὸ πέλαγος, εος), *pontus*, *i m* (< ὁ πόντος).

Астрономические термины в латинском языке частично представляют собой заимствования, частично перевод соответствующих греческих. Например, названия планет являются латинскими эквивалентами греческих мифологических имен, которые были использованы в этой функции Аристотелем: *Juppiter* — Διὸς ἀστήρ, *Saturnus* — Κρόνου ἀστήρ, *Venus* — Ἀφροδίτης ἀστήρ. Переводами греческих слов, т. е. семантическими кальками, представлены и наименования знаков зодиака: *Aries*, *ētis m* < ὁ Κριός ‘Овен’; *Gemīni*, *ōrum m* < οἱ Δίδυμοι ‘Близнецы’; *Pisces*, *ium m* < οἱ Ἰχθύες ‘Рыбы’. Наряду с этим, многие астрономические термины были заимствованиями и употреблялись в латинском языке в форме, соответствующей греческой. Это и названия звезд, как, например, *Sirius*, *i m* ‘Сириус’ (< ὁ Σείριος), *Arctūrus*, *i m* ‘Арктур’ (< ὁ Ἀρκτοῦρος), и названия со-

звездий, например, *Oriōn*, *ōnis m* ‘Орион’ (< ὁ Ὠρίων, ὠνος), *Centaurus*, *i m* ‘Кентавр’ (< ὁ Κένταυρος), *Andromēda*, *ae f* ‘Андромеда’ (< ἡ Ἀνδρομέδη).

Слово *astrologus*, *i m* во времена Энния имело такие же значения, что и его греческий источник: ὁ ἀστρολόγος — 1. астроном; 2. астролог. Но уже ко времени Цицерона оно сохраняет только первое значение, а во втором употребляются также грецизмы: *mathematicus*, *i m*, засвидетельствованное у Петрония и Ювенала; *Chaldaeus*, *i m*, встречающееся у Катона и Цицерона. Греческое соответствие последнего слова ὁ Χαλδαῖος в значении ‘звездочет, астролог’ употребляется уже Геродотом (V в. до н. э.), а слово ὁ μαθηματικός в значении ‘астролог’ встречается впервые у Секста Эмпирика (III в. н. э.). Похожая история со словом *horoscopus*, *i m*, которое является греческим заимствованием (образовано от греческих слов ἡ ὥρα ‘время’ и σκοπέω ‘исследовать, наблюдать’) и в латинском языке засвидетельствовано впервые у Манилия (I в. н. э.), а в самом греческом языке фиксируется только с III в. н. э. у Секста Эмпирика.

Лексика юридической сферы в основном имеет исконно латинский характер, но и здесь можно обнаружить греческие заимствования, например: *hypothēca*, *ae f* ‘залог’ (< ἡ ὑποθήκη ‘залог, заклад’), *syngrapha*, *ae f* ‘долговая расписка’ (< ἡ συγγραφή ‘документ, договор’), *chirographum*, *i n* ‘расписка’ (< τὸ χειρόγραφον ‘долговая расписка’).

И в других лексико-семантических разрядах латинского языка можно видеть такую же картину большого влияния греков на язык и культуру римлян. Основные черты заимствованной лексики отражают две тенденции: усвоить греческое слово со временем во все более точном виде и, с другой стороны, найти эквивалент в родном языке, выразить заимствованное понятие средствами своего языка.

Лексика, относящаяся к материальной культуре, в большей степени представлена ранними устными заимствованиями и поэтому отличается некоторыми фонетическими отличиями от своих греческих первоисточников. В то время как лексика интеллектуальной сферы попадала в латинский язык в основном литературным путем и поэтому здесь видно стремление наиболее точно отразить звуковую форму греческого слова.

14. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННОГО СЛОВА И ЕГО ИСТОЧНИКА

Важное место в контексте заимствования занимают семантические отношения заимствованного слова и исходной леммы. Определяющим фактом при этом является семантический объем исходного греческого сло-

ва. Однозначные греческие лексемы усваивались, как правило, в том же значении, которое они имеют и в родном языке. Это относится, прежде всего, к названиям бытовых предметов, морских и военных терминов, наименованиям растений и животных. Такое происхождение имеет большинство медицинских терминов в латинском языке, в частности, названия болезней, например: *phthisis, is f* < ἡ φθίσις, εως ‘чахотка’, *elephantiasis, is f* < ἡ ἐλεφαντίασις, εως ‘слоновая болезнь’.

Многозначные греческие слова чаще всего заимствуются в одном из своих значений. И часто это бывает именно терминологическое значение, например, *ellipsis, is f* ‘эллипсис, опущение слова’ < ἡ ἔλλειψις, εως, для которого это значения является только одним из многих. Это же касается и слова *crisis, is f* ‘перелом, кризис’ из многозначного греческого ἡ κρίσις, εως.

Но наряду с этим многочисленны случаи, когда греческое многозначное слово служит источником образования термина только в латинском языке, например: *tnesis, is f* ‘отделение приставки от основы слова’ < ἡ τμησις, εως ‘рассечение, разрез, разделение’. Ср. также *anabasis, is f* ‘хвощ’ и ἡ ἀνάβασις, εως ‘восхождение, подъем, вход, лестница’ и др.

Проблемы, связанные с семантическими взаимоотношениями заимствованных слов и их прототипов, рассматривает на материале латинского языка Л. В. Доровских в своей диссертации «Семантическое освоение иноязычной лексики в заимствующем языке (на материале греческих заимствований в латинском языке)». Она выделяет 4 способа семантического освоения греческих заимствований в латинском языке: «1) сохранение значения слова — прототипа заимствования; 2) усвоение только терминологического значения полисемичного греческого слова; 3) придание терминологического значения общеупотребительным лексемам греческого языка; 4) метафорическое использование грецизмов» [Доровских: 16]. Она отмечает, что первые два способа актуальны для всего периода существования латинского языка, но особенно интенсивно используются с I в. н. э. Использование в терминологическом значении общеупотребительных греческих слов начинается, по ее мнению, с Квинтилиана и становится доминирующим в поздней латыни.

За счет заимствования в языке-реципиенте могут образовываться синонимические ряды, если заимствуется слово такого же значения, что и уже существующее в языке. В таком случае часто происходит стилистическая дифференциация синонимов. Все это ведет к обогащению словарного состава языка и его развитию. Как отмечает А. Мартине, «взаимовлияние языков — один из самых могучих стимулов языковых изменений» [Мартине: 83].

ТЕКСТЫ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Titus Maccius Plautus

PSEUDOLUS

Actus secundus

SCAENA I

PSEUDOLUS

PSEUDOLUS

- 574 Pro Iuppiter, ut mihi, quidquid ago, lepide omnia
prospereque eveniunt:
- 575 neque quod dubitem neque quod timeam, meo in
pectore conditumst consilium.
nam ea stultitiast, facinus magnum timido cordi credere; nam
omnes
res perinde sunt
ut agas, ut eas magni facias; nam ego in meo pectore prius
ita paravi copias,
- 580 duplicis triplicis dolos perfidias, ut, ubiquomque hostibus
congregiar
(maiorum meum fretus virtute dicam,
mea industria et malitia fraudulenta),
facile ut vincam, facile ut spoliem meos perduellis meis perfidiis.
nunc inimicum ego hunc communem meum atque vostrorum
omnium,
- 585 Ballionem, exballistabo lepide: date operam modo;
[hoc ego oppidum admoenire, ut hodie capiatur, volo.]
atque huc meas legiones adducam; si expugno
(facilem hanc rem meis civibus faciam),
post ad oppidum hoc vetus continuo meum exercitum
protinus obducam:
inde me et simul participes omnis meos praeda onerabo atque
opplebo,
metum et fugam perduellis meis me ut sciant natum.
- 590 eo sum genere gnatus: magna me facinora decet efficere,
quae post mihi clara et diu clueant.

sed hunc quem video? quis hic est qui oculis meis
obviam ignobilis obicitur?
lubet scire quid hic veniat cum machaera et huic, quam
rem agat, hinc dabo insidias.

SCAENA II
PSEUDOLUS. HARPAX

HARPAX

595 Hi loci sunt atque hae regiones quae mi ab ero sunt demonstratae,
ut ego oculis rationem capio quam mi ita dixit erus meus miles,
septumas esse aedis a porta ubi ille habitet leno, quoi iussit
symbolum me ferre et hoc argentum. nimis velim,
certum qui id mihi faciat,

Ballio leno ubi hic habitat.

600 *PS.* [st, tace, tace, meus hic est homo, ni omnes di atque homines
deserunt.]

novo consilio nunc mihi opus est,
nova res subito mi haec obiectast:
hoc praevortar principio; illa omnia missa habeo, quae ante agere
occepi.

iam pol ego hunc stratioticum nuntium advenientem
probe percutiam.

HARP. ostium pultabo atque intus evocabo aliquem foras.

605 *PS.* quisquis es, compendium ego te facere pultandi volo;
nam ego precator et patronus foribus processi foras.

HARP. tune es Ballio?

PS. immo vero ego eius sum Subballio.

HARP. quid istuc verbist?

PS. condus promus sum, procurator peni.

HARP. quasi te dicas atriensem.

PS. immo atriensi ego impero.

610 *HARP.* quid tu, servon es an liber?

PS. nunc quidem etiam servio.

HARP. ita videre, et non videre dignus qui liber sies.

PS. non soles respicere te, quom dicis iniuste alteri?

HARP. hunc hominem malum esse oportet.

PS. di me servant atque amant,
nam haec mihi incus est: procudam ego hodie hinc multos dolos.

615 *HARP.* quid illic secum solus loquitur?

PS. quid ais tu, adulescens?

HARP. quid est?

- PS.* esne tu an non es ab illo milite Macedonio,
servos eius qui hinc a nobis est mercatus mulierem,
qui argenti ero meo lenoni quindecim dederat minas,
quinque debet?
- 620 *HARP.* sum. sed ubi tu me novisti gentium
aut vidisti aut conlocutu's? nam equidem Athenas antidhac
numquam veni, neque te vidi ante hunc diem umquam oculis
meis.
- PS.* quia videre inde esse; nam olim quom abiit, argento haec dies
praestitutast, quoad referret nobis, neque dum rettulit.
- HARP.* immo adest.
- PS.* tun attulisti?
- HARP.* egomet.
- PS.* quid dubitas dare?
- 626 *HARP.* tibi ego dem?
- PS.* mihi hercle vero, qui res rationesque eri
Ballionis curo, argentum accepto [expenso] et quoi debet dato.
- HARP.* si quidem hercle etiam supremi promptas thensauros Iovis,
tibi libellam argenti numquam credam.
- 630 *PS.* dum tu sternuas,
res erit soluta.
- HARP.* vinctam potius sic servavero.
- PS.* vae tibi, tu inventu's vero, meam qui furcilles fidem.
quasi mihi non sescenta tanta soli soleant credier.
- HARP.* potest ut alii ita arbitrentur et ego ut ne credam tibi.
- PS.* quasi tu dicas me te velle argento circumducere.
- 635 *HARP.* immo vero quasi tu dicas quasique ego autem id suspicer.
sed quid est tibi nomen?
- PS.* servos est huic lenoni Surus,
eum esse me dicam. Surus sum.
- HARP.* Surus?
- PS.* id est nomen mihi.
- HARP.* verba multa facimus. erus si tuos domi est, quin provocas,
ut id agam quod missus huc sum, quidquid est nomen tibi?
- 640 *PS.* si intus esset, evocarem. verum si dare vis mihi,
magis erit solutum, quasi ipsi dederis.
- HARP.* at enim scin quid est?
reddere hoc, non perdere erus me misit. nam certo scio,
hoc febrim tibi esse, quia non licet huc inicere ungulas.
ego, nisi ipsi Ballioni, nummum credam nemini.
- 645 *PS.* at illic nunc negotiosust: res agitur apud iudicem.

- HARP.* di bene vortant. at ego quando eum esse censebo domi,
rediero. tu epistulam hanc a me accipe atque illi dato.
nam istic sumbolust inter erum meum et tuom de muliere.
PS. scio equidem: [ut] qui argentum adferret atque expressam
650 suam huc ad nos, cum eo aiebat velle mitti mulierem.
nam hic quoque exemplum reliquit eius.
HARP. omnem rem tenes.
PS. quid ego ni teneam?
HARP. dato istunc sumbolum ergo illi.
PS. licet.
sed quid est tibi nomen?
HARP. Harpax.
PS. apage te, Harpax, hau places;
huc quidem hercle haud ibis intro, ne quid ἄρπαξ feceris.
655 *HARP.* hostis vivos rapere soleo ex acie: eo hoc nomen mihi est.
PS. pol te multo magis opinor vasa athena ex aedibus.
HARP. non ita est. sed scin quid te oro, Sure?
PS. sciam si dixeris.
HARP. ego devortor extra portam huc in tabernam tertiam,
apud anum illam doliarem, claudam crassam, Chrysidem.
660 *PS.* quid nunc vis?
HARP. inde ut me arcessas, erus tuos ubi venerit.
PS. tuo arbitratu, maxume.
HARP. nam ut lassus veni de via,
me volo curare.
PS. sane sapis et consilium placet.
sed vide sis ne in quaestione sis, quando arcessam, mihi.
HARP. quin ubi prandero, dabo operam somno.
PS. sane censeo.
665 *HARP.* numquid vis?
PS. dormitum ut abeas.
HARP. abeo.
PS. atque audin, Harpage?
iube sis te operiri: beatus eris, si consudaveris.

SCAENA III
PSEUDOLUS

- 667 *PS.* Di immortales, conservavit me illic homo adventu suo.
suo viatico redduxit me usque ex errore in viam.
nam ipsa mi Opportunitas non potuit opportunius

670 advenire quam haec allatast mi opportune epistula.
nam haec allata cornu copiaest, ubi inest quidquid volo:
hic doli, hic fallaciae omnes, hic sunt sycophantiae,
hic argentum, hic amica amanti erili filio.
atque ego nunc me ut gloriosum faciam et copi pectore:
675 quo modo quicque agerem, ut lenoni surruperem mulierculam,
iam instituta ornata cuncta in ordine, animo ut volueram,
certa deformata habebam; sed profecto hoc sic erit:
centum doctum hominum consilia sola haec devincit dea,
Fortuna. atque hoc verum est: proinde ut quisque Fortuna utitur,
680 ita praecellet atque exinde sapere eum omnes dicimus.
bene ubi quoi scimus consilium accidisse, hominem catum
eum esse declaramus, stultum autem illum quoi vortit male.
stulti hau scimus, frustra ut simus, quom quid cupienter dari
petimus nobis, quasi quid in rem sit possimus noscere.
685 certa mittimus, dum incerta petimus; atque hoc evenit
in labore atque in dolore, ut mors obrepat interim.
sed iam satis est philosophatum. nimis diu et longum loquor.
di immortales, aurichalco contra non carum fuit
meum mendacium, hic modo quod subito commentus fui,
690 quia lenonis me esse dixi. nunc ego hac epistula
tris deludam, erum et lenonem et qui hanc dedit mi epistulam.
euge, par pari aliud autem quod cupiebam contigit:
venit eccum Calidorus, ducit nescio quem secum simul.

SCAENA IV

CALIDORUS. CHARINUS. PSEUDOLUS

694 *CALIDORUS*

Dulcia atque amara apud te sum elocutus omnia:

695 scis amorem, scis laborem, scis egestatem meam.

CHARINUS

commemini omnia: id tu modo, me quid vis facere, fac sciam.

[*CAL.* quom haec tibi alia sum elocutus, vix rem scis de symbolo.

CHAR. omnia, inquam. tu modo quid me facere vis fac ut sciam.]

CAL. Pseudolus mi ita imperavit, ut aliquem hominem strenuom
benevolentem adducerem ad se.

CHAR. servas imperium probe;

nam et amicum et benevolentem ducis. sed istic Pseudolus

700 *CAL.* nimium est mortalis graphicus, †heuretes mihi est.

is mihi haec sese ecfecturum dixit quae dixi tibi.

PS. magnufice hominem compellabo.

- CAL.* quoia vox resonat?
PS. io,
io te te, turanne, te te ego, qui imperitas Pseudolo,
quaero, quoi ter trina triplicia, tribus modis tria gaudia,
705 *artibus tribus tris demeritas dem laetitas, de tribus*
fraude partas per malitiam et per dolum et fallaciam;
in libello hoc obsignato ad te attuli pauxillulo.
CAL. illic homost.
CHAR. ut paratragoedat carnufex.
PS. confer gradum
contra pariter, porge audacter ad salutem bracchium.
CAL. dic utrum Spemne an Salutem te salutem, Pseudole?
710 *PS.* immo utrumque.
CHAR. utrumque, salve. sed quid actumst?
PS. quid times?
CAL. attuli hunc.
PS. quid, attulisti?
CAL. adduxi volui dicere.
PS. quis istic est?
CAL. Charinus.
PS. euge. iam χάριν τούτῳ ποιοῦ.
CHAR. quin tu si quid opust, mi audacter imperas?
PS. tam gratiast.
bene sit tibi, Charine. nolo tibi molestos esse nos.
715 *CHAR.* vos molestos mihi? molestumst mi id quidem.
PS. tum igitur mane.
CAL. quid istuc est?
PS. epistulam modo hanc intercepti et sumbolum.
CAL. sumbolum? quem sumbolum?
PS. qui a milite allatust modo.
eius servos qui hunc ferebat cum quinque argenti minis,
tuam qui amicam hinc arcessebat, ei os sublevi modo.
720 *CAL.* quo modo?
PS. horum causa haec agitur spectatorum fabula:
hi sciunt, qui hic adfuerunt; vobis post narravero.
CAL. quid nunc agimus?
PS. liberam hodie tuam amicam amplexabere.
CAL. egone?
PS. tu istic ipsus, inquam, si quidem hoc vivet caput;
si modo mihi hominem invenietis propere.
CHAR. qua facie?

- PS.* malum,
725 callidum, doctum, qui quando principium prehenderit,
porro sua virtute teneat quid se facere oporteat;
atque qui hic non visitatus saepe sit.
- CHAR.* si servos est,
numquid refert?
- PS.* immo multo mavolo quam liberum.
- 730 *CHAR.* posse opinor me dare hominem tibi malum et doctum domo,
qui a patre adventit Carysto nec dum exiit ex aedibus
quoquam neque Athenas adventit umquam ante hesternum diem.
- PS.* bene iuvas. sed quinque inventis opus est argenti minis
mutuis, quas hodie reddam: nam huius mihi debet pater.
- CHAR.* ego dabo, ne quaere aliunde.
- 735 *PS.* o hominem opportunum mihi.
etiam opust chlamyde et machaera et petaso.
- CHAR.* possum a me dare.
- PS.* di immortales, non Charinus mihi hic quidem, sed Copiast.
sed istic servos, ex Carysto qui hic adest, ecquid sapit?
- CHAR.* hircum ab alis.
- PS.* manuleatam tunicam habere hominem addecet.
ecquid is homo habet aceti in pectore?
- CHAR.* atque acidissimi.
- 740 *PS.* quid, si opus sit ut dulce promat indidem, ecquid habet?
- CHAR.* rogas?
murrinam, passum, defrutum, mellam, mel quoivismodi;
quin in corde instruere quondam coepit pantopolium.
- PS.* eugepae, lepide, Charine, meo me ludo lamberas.
sed quid nomen esse dicam ego isti servo?
- CHAR.* Simiae.
- 745 *PS.* scitne in re advorsa vorsari?
- CHAR.* turbo non aequae citust.
- PS.* ecquid argutust?
- CHAR.* malorum facinorum saepissime.
- PS.* quid cum manifesto tenetur?
- CHAR.* anguillast, elabitur.
- PS.* ecquid is homo scitust?
- CHAR.* plebi scitum non est scitius.
- PS.* probus homo est, ut praedicare te audio.
- 750 *CHAR.* immo si scias,
ubi te aspexerit, narrabit ultro quid sese velis.
sed quid es acturus?

- PS.* dicam. ubi hominem exornavero,
subditivom fieri ego illum militis servom volo;
sumbolum hunc ferat lenoni cum quinque argenti minis,
mulierem ab lenone abducat: em tibi omnem fabulam.
755 *PS.* ceterum quo quicque pacto faciat, ipsi dixerō.
CAL. quid nunc igitur stamus?
PS. hominem cum ornamentis omnibus
exornatum adducite ad me iam ad trapezitam Aeschinum.
sed properate.
CAL. prius illi erimus quam tu.
PS. abite ergo ocius.
760 quidquid incerti mi in animo prius aut ambiguum fuit,
nunc liquet, nunc defaecatumst cor mihi; nunc perviumst:
omnes ordine sub signis ducam legiones meas,
avi sinistra, auspicio liquido atque ex <mea> sententia;
confidentia est inimicos meos me posse perdere.
765 nunc ibo ad forum atque onerabo meis praeceptis Simiam,
quid agat, ne quid titubet, docte ut hanc ferat fallaciam.
iam ego hoc ipsum oppidum expugnatum faxo erit lenonium.

Caius Petronius Arbiter

SATYRICON

- 1 <...> (XXXVI. 1) Haec ut dixit, ad symphoniam quattuor tripudiantes
procurrerunt superioremque partem repositorii abstulerunt. (2) quo facto
videmus infra [scilicet in altero ferculo] altilia et sumina leporemque in
medio pinnis subornatum, ut Pegasus videretur. (3) notavimus etiam circa
5 angulos repositorii Marsyas quattuor, ex quorum utriculis garum pipe-
ratum currebat super pisces, qui quasi in euripo natabant. (4) damus om-
nes plausum a familia inceptum et res electissimas ridentes aggredimur.
(5) non minus et Trimalchio eiusmodi methodio laetus «Carpe» inquit.
(6) processit statim scissor et ad symphoniam gesticulatus ita laceravit
10 obsonium, ut putares essedarium hydraule cantante pugnare.
(7) ingerebat nihilo minus Trimalchio lentissima voce: «Carpe, Carpe».
ego suspicatus ad aliquam urbanitatem totiens iteratam vocem pertinere,
non erubui eum qui supra me accumbebat hoc ipsum interrogare. (8) at
ille, qui saepius eiusmodi ludos spectaverat, «vides illum, — inquit, — qui
15 obsonium carpit: Carpus vocatur. ita quotienscumque dicit „Carpe“, eo-
dem verbo et vocat et imperat».

(XXXVII. 1) Non potui amplius quicquam gustare, sed conversus ad eum, ut quam plurima exciperem, longe accersere fabulas coepi sciscitarique, quae esset mulier illa, quae huc atque illuc discurreret. (2) «uxor, —
20 inquit, — Trimalchionis, Fortunata appellatur, quae nummos modio metitur. (3) et modo modo quid fuit? ignoscet mihi genius tuus, noluisse de manu illius panem accipere. (4) nunc, nec quid nec quare, in caelum abiit et Trimalchionis topanta est. (5) ad summam, mero meridie si dixerit illi tenebras esse, credet. (6) ipse nescit quid habeat, adeo saplutus est; sed
25 haec lupatria providet omnia, est ubi non putes. (7) est sicca, sobria, bonorum consiliorum — tantum auri vides — , est tamen malae linguae, pica pulvinaris. quem amat, amat; quem non amat, non amat. (8) ipse [Trimalchio] fundos habet, qua milvi volant, nummorum nummos. argentum in ostiarii illius cella plus iacet quam quisquam in fortunis habet.
30 (9) familia vero babae babae, non mehercules puto decumam partem esse quae dominum suum noverit. (10) ad summam, quemvis ex istis baebacalis in rutae folium coniciet. (XXXVIII. 1) nec est quod putes illum quicquam emere. omnia domi nascuntur: lana, citrea, piper; lacte gallinaeceum si quaesieris, invenies. (2) ad summam, parum illi bona lana nascebatur: arietes a Tarento emit et eos culavit in gregem. (3) mel Atticum ut
35 domi nasceretur, apes ab Athenis iussit afferri; obiter et vernaculae quae sunt, meliusculae a Graeculis fient. (4) ecce intra hos dies scripsit, ut illi ex India semen boletorum mitteretur. nam mulam quidem nullam habet quae non ex onagro nata sit. (5) vides tot culcit[r]as: nulla non aut conchyliatum aut coccineum tomentum habet. tanta est animi beatitudo.
40 (6) reliquos autem collibertos eius cave contemnas. valde sucos[s]i sunt. (7) vides illum qui in imo imus recumbit: hodie sua octingenta possidet. de nihilo crevit. modo solebat collo suo ligna portare. (8) sed quomodo dicunt — ego nihil scio, sed audivi — cum Incuboni pilleum rapuisset, [et] thesaurum invenit. ego nemini invideo, si quid deus dedit. (9) est tamen subalapa et non vult sibi male. (10) itaque proxime cenaculum hoc titulo proscripsit: „C. Pompeius Diogenes ex kalendis Iuliis cenaculum locat; ipse enim domum emit“. (11) quid ille qui libertini loco iacet, quam bene se habuit. non impropero illi. (12) sestertium suum vidit decies, sed male vacillavit. non puto illum capillos liberos habere, nec mehercules sua culpa; ipso enim homo melior non est; sed liberti scelerati, qui omnia ad se fecerunt. (13) scito autem: sociorum olla male fervet, et ubi semel res inclinata est, amici de medio. (14) et quam honestam negotiationem exercuit, quod illum sic vides. libitinarius fuit. (15) solebat sic cenare quomodo rex: apros gausapatos, opera pistoria, avis, . . . cocos, pistorum. plus
55 vini sub mensa effundebatur, quam aliquis in cella habet. phantasia, non homo. (16) inclinatis quoque rebus suis, cum timeret ne creditores illum

conturbare existimarent, hoc titulo auctionem proscripsit: „<C.> Iulius Proculus auctionem faciet rerum supervacuarum“».

(XXXIX. 1) Interpellavit tam dulces fabulas Trimalchio; nam iam
60 sublatum erat ferculum, hilaresque convivae vino sermonibusque publi-
catis operam coeperant dare. (2) is ergo reclinatus in cubitum «hoc vi-
num, — inquit, — vos oportet suave faciatis. (3) pisces natate oportet.
rogo, me putatis illa cena esse contentum, quam in theca repositorii vi-
65 deratis? „sic notus Ulixes?“ quid ergo est? oportet etiam inter cenandum
philologiam nosse. (4) patrono meo ossa bene quiescant, qui me homi-
nem inter homines voluit esse. nam mihi nihil novi potest afferri, sicut
ille fer[i]culus †ta mel† habuit praxim. (6) caelus hic, in quo duodecim
dii habitant, in totidem se figuras convertit, et modo fit aries. itaque
70 quisquis nascitur illo signo, multa pecora habet, multum lanae, caput
praeterea durum, frontem expudoratum, cornum acutum. plurimi hoc sig-
no scholastici nascuntur et arietilli». (6) laudamus urbanitatem mathe-
matici; itaque adiecit: «deinde totus caelus taurulus fit. itaque tunc calci-
trosi nascuntur et bubulci et qui se ipsi pascunt. (7) in geminis autem nas-
cuntur bigae et boves et colei et qui utrosque parietes linunt. (8) in cancro
75 ego natus sum. ideo multis pedibus sto, et in mari et in terra multa pos-
sideo; nam cancer et hoc et illoc quadrat. et ideo iam dudum nihil supra
illum posui, ne genesim meam premerem. (9) in leone cataphagae nas-
cuntur et imperiosi; in virgine mulierosi et fugitivi et compediti; (10) in
libra laniones et unguentarii et quicumque aliquid expendunt; (11) in
80 scorpione venenarii et percussores; in sagittario strabones, qui holera
spectant, lardum tollunt; (12) in capricorno aerumnosi, quibus prae mala
sua cornua nascuntur; in aquario copones et cucurbitae; (13) in piscibus
obsonatores et rhetores. sic orbis vertitur tamquam mola, et semper ali-
quid mali facit, ut homines aut nascantur aut pereant. (14) quod autem in
85 medio caespitem videtis et super caespitem favum, nihil sine ratione
facio. (15) terra mater est in medio quasi ovum corrotundata, et omnia
bona in se habet tamquam favus».

(XL. 1) «Sophos» universi clamamus et sublatis manibus ad cameram
iuramus Hipparchum Aratumque comparandos illi homines non fuisse,
90 donec advenerunt ministri ac toralia praeposuerunt toris, in quibus retia
erant picta subcessoresque cum venabulis et totus venationis apparatus.
(2) necdum sciebamus, <quo> mitteremus suspiciones nostras, cum extra
triclinium clamor sublatus est ingens, et ecce canes Laconici etiam circa
mensam discurrere coeperunt. (3) secutum est hos repositorium, in quo
95 positus erat primae magnitudinis aper, et quidem pilleatus, e cuius denti-
bus sportellae dependebant duae palmulis textae, altera caryotis altera
thebaicis repleta. (4) circa autem minores porcelli ex coptoplacentis facti,

quasi uberibus imminerent, scrofam esse positam significabant. et hi quidem apophoreti fuerunt. (5) ceterum ad scindendum aprum non ille Carpus accessit, qui altilia laceraverat, sed barbatus ingens, fasciis cruralibus alligatus et alicula subornatus polymita, strictoque venatorio cultro
100 latus apri vehementer percussit, ex cuius plaga turdi evolaverunt. (6) parati aucupes cum harundinibus fuerunt et eos circa triclinium volitantes momento exceperunt. (7) inde cum suum cuique iussisset referri Trimalchio, adiecit: «etiam videte, quam porcus ille silvaticus lotam
105 comederit glandem». (8) statim pueri ad sportellas accesserunt, quae pendebant e dentibus, thebaicasque et caryotas ad numerum divisere cenantibus. (XLI. 1) interim ego, qui privatum habebam secessum, in multas cogitationes diductus sum, quare aper pilleatus intrasset. (2) postquam itaque omnis bacalusias consumpsi, duravi interrogare illum
110 interpretum meum, quod me torqueret. (3) at ille: «plane etiam hoc servus tuus indicare potest; (4) non enim aenigma est, sed res aperta. hic aper, cum heri summa cena eum vindicasset, a convivis dimissus <est>; itaque hodie tamquam libertus in convivium revertitur». (5) damnavi ego stuporem meum et nihil amplius interrogavi, ne viderer numquam inter
115 honestos cenasse.

(6) Dum haec loquimur, puer speciosus, vitibus hederisque redimitus, modo Bromium, interdum Lyaenum Euhiumque confessus, calathisco uvas circumtulit et poemata domini sui acutissima voce traduxit. (7) ad quem sonum conversus Trimalchio «Dionyse, — inquit, — liber esto». puer detraxit pilleum a pro capite suo imposuit. (8) tum Trimalchio
120 rursus adiecit: «non negabitis me, — inquit, — habere Liberum patrem». laudavimus dictum [Trimalchionis] et circumeuntem puerum sane perbasiamus.

(9) Ab hoc ferculo Trimalchio ad lasanum surrexit. nos libertatem sine tyranno nacti coepimus invitare . . . [convivarum sermones]. (10) Dama itaque primus cum †pataracina† poposcisset, «dies, — inquit, — nihil est. dum versas te, nox fit. itaque nihil est melius quam de cubiculo recta in triclinium ire. (11) et mundum frigus habuimus. vix me balneus calfecit. tamen calda potio vestiarius est. (12) staminatas duxi, et
130 plane matus sum. vinus mihi in cerebrum abiit».

(XLII. 1) Excepit Seleucus fabulae partem et «ego, — inquit, — non cotidie labor; (2) balniscus enim fullo est, aqua dentes habet, et cor nostrum cotidie liquescit. sed cum mulsi pultarium obduxi, frigori laecasin dico. nec sane lavare potui; fui enim hodie in funus. (3) homo bellus, tam
135 bonus Chrysanthus animam ebulliit. modo modo me appellavit. (4) videor mihi cum illo loqui. heu, eheu. utres inflati ambulamus. minoris quam muscae sumus, <muscae> tamen aliquam virtutem habent, nos

non pluris sumus quam bullae. (5) et quid si non abstinax fuisset!
quinque dies aquam in os suum non coniecit, non micam panis. tamen
abiit ad plures. medici illum perdiderunt, immo magis malus fatus; medi-
140 cus enim nihil aliud est quam animi consolatio. (6) tamen bene elatus est,
vitali lecto, stragulis bonis. planctus est optime — manu misit aliquot —
etiam si maligne illum ploravit uxor. (7) quid si non illam optime ac-
cepisset! sed mulier quae mulier milvinum genus. neminem nihil boni
facere oportet; aequae est enim ac si in puteum conicias. sed antiquus
145 amor cancer est». <...>

ЛИТЕРАТУРА

Бертольди, В. Греческий и латинский: языки, служившие средством передачи местных традиций и орудием колонизации в западном Средиземноморье / В. Бертольди // Новое в лингвистике. — Вып. 6 : Языковые контакты. — Москва, 1972. — С. 120–129.

Биржакова, Е. Э. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века : языковые контакты и заимствования / Е. Э. Биржакова. — Ленинград : Наука, 1972. — 431 с.

Вайнрайх, У. Языковые контакты : состояние и пробл. исслед. / У. Вайнрайх ; предисл. А. Мартине ; пер. с англ. яз. и коммент. Ю. А. Жлуктенко ; вступит. статья В. Н. Ярцевой. — Киев : Вища школа, 1979. — 263 с.

Гавранек, Б. К проблематике смешения языков / Б. Гавранек // Новое в лингвистике. — Вып. 6 : Языковые контакты. — Москва, 1972. — С. 94–111.

Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. — Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. — 2 т.

Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. — Москва : Рус. яз., 1976. — 1096 с.

Доровских, Л. В. Семантическое освоение иноязычной лексики в заимствующем языке : на материале греческих заимствований в латинском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.14 / Л. В. Доровских. — Тбилиси, 1972. — 23 с.

Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. — Москва : Наука, 1968. — 208 с.

Крысин, Л. П. К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово» / Л. П. Крысин // Развитие лексики современного русского языка. — Москва, 1965. — С. 104–116.

Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вестник языкознания. — 2002. — № 6. — С. 27–34.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Совет. энцикл., 1990. — 685.

Мартине, А. Распространение языка и структурная лингвистика / А. Мартине // Новое в лингвистике. — Вып. 6 : Языковые контакты. — Москва, 1972. — С. 81–93.

Перуцци, Э. Микенские языковые элементы в латыни / Э. Перуцци // Вестник языкознания. — 1975. — № 5. — С. 104–109.

Пизани, В. Этимология: история — проблемы — метод / В. Пизани ; пер. с итал. Д. Э. Розенталя ; под ред. и с предисл. В. И. Абаева. — Москва : Изд-во. иностр. лит., 1956. — 188 с.

Розенцвейг, В. Основные вопросы теории языковых контактов / В. Розенцвейг // Новое в лингвистике. — Вып. 6 : Языковые контакты. — Москва, 1972. — С. 5–22.

Россетти, А. Смешанный язык и смешение языков / А. Россетти // Новое в лингвистике. — Вып. 6 : Языковые контакты. — Москва, 1972. — С. 112–119.

Скоробогата, Є. І. Грецькі лексичні елементи в мові Теренція / Є. І. Скоробогата // Іноземна філологія. — Вип. 28 : Питання класичної філології. — Львів, 1972. — С. 38–43.

Скоробогата, Є. І. Слова грецького походження в Еннія / Є. І. Скоробогата // Іноземна філологія. — Вип. 4 : Питання класичної філології. — Львів, 1965. — С. 54–60.

Скоробогата, Є. І. Слова грецького походження в комедіях Плавта / Є. І. Скоробогата // Іноземна філологія. — Вип. 13 : Питання класичної філології. — Львів, 1967. — С. 29–33.

Славятинская, М. Н. Учебное пособие по древнегреческому языку / М. Н. Славятинская. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1988. — 239 с.

Хауген, Э. Процесс заимствования / Э. Хауген // Новое в лингвистике. — Вып. 6 : Языковые контакты. — Москва, 1972. — С. 344–381.

Шевченко, Г. И. Фразеологизмы античного происхождения в славянских языках / Г. И. Шевченко. — Минск : БГУ, 2005. — 211 с.

Щерба, Л. В. О понятии смешения языков / Л. В. Щерба // Избранные труды по языкознанию и фонетике. — Ленинград, 1958. — Т. 1. — С. 40–53.

Ernout, A. Aspects du vocabulaire latin / A. Ernout. — Paris, 1954.

Friedmann, B. Die jonischen und attischen Wörter im Altlatein / B. Friedmann. — Helsingfors, 1937.

Hartung, H.-J. Ciceros Methode bei der Übersetzung Griechischer philosophischer Termini : Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der philosophischen Fakultät der Universität Hamburg / H.-J. Hartung. — Hamburg, 1970.

Hofmann, J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch / J. B. Hofmann. — Heidelberg, 1954.

Meillet, A. Esquisse d'une histoire de la langue latine / A. Meillet. — Paris, 1966.

Saalfeld, G. Thesaurus Italograecus: Ausführliches historisch-kritisches Wörterbuch der griechischen Lehn- und Fremdwörter im Lateinischen / G. Saalfeld. — Wien, 1884.

Weise, O. Die griechischen Wörter in Latein / O. Weise. — Leipzig, 1882.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Условные сокращения	4
1. Основные понятия теории заимствования.....	5
2. Виды заимствований.....	6
3. Причины и способы заимствований.....	9
4. Типы языковых контактов.....	11
5. Политико-экономические и культурные связи римлян с греками и пути их осуществления.....	13
6. Критический анализ литературы, посвященной этимологии и заимствованиям ...	15
7. Передача греческих фонем в заимствованиях.....	20
8. Народная этимология.....	24
9. Фономорфологический анализ устных греческих заимствований	26
10. Фономорфологический анализ заимствований, усвоенных книжным путем.....	27
11. Греческие префиксы и суффиксы в заимствованиях. Сложные слова.....	28
12. Некоторые исходные данные о времени заимствования	30
13. Лексико-семантический анализ заимствований.....	32
14. Семантические отношения заимствованного слова и его источника.....	38
Тексты для практических занятий.....	40
Литература.....	52